

Ольга
БЕЛОЗУБОВА

РАЗВОД

Попробуй, верни меня!

Ольга Белозубова

Развод. Попробуй, верни меня!

<https://litres.ru/74212609>

Аннотация

— Что? — переспрашиваю я, округляя глаза. — Что ты мне предлагаешь? — Свободные отношения, — невозмутимо повторяет муж за обедом, который я готовила специально для него. — Я же твоя жена! — Вот именно. Шестнадцать лет жена, — снисходительно объясняет Кирилл. — Мне не хватает остроты. Все приелось. А наш секс в последнее время похож на выплату долга. *** Я думала, что знаю своего мужа как облупленного. Что мы счастливы, у нас все в порядке: дочь, дом, достаток и планы на будущее. А оказывается, Кирилл уже все решил за нас двоих. Я была в полном шоке от его предложения спать с другими, а вскоре узнала, зачем ему это нужно.

Однотомник. ХЭ для тех, кто заслужил ♥#Не забудьте добавить книгу в библиотеку и поставить лайк♥# Книга участвует в литмобе "Сезон разводов и измен":

Содержание

Глава 1. Что ты мне предлагаешь?	4
Визуал	9
Глава 2. Пришла помощь откуда не ждали	10
Визуал	21
Глава 3. (Не)случайное сообщение	22
Глава 4. Это случилось	32
Глава 5. Последняя капля	42
Глава 6. Ты все поняла?	55
Глава 7. Находка	63
Глава 8. Белоснежные розы	67
Глава 9. Не (смешно)	77
Глава 10. Хозяйка в доме	81
Глава 10. Хозяйка в доме. Часть 2	85
Глава 11. Упорство 80lv1	95
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Глава 1. Что ты мне предлагаешь?

Диана

— Что? — переспрашиваю я с круглыми глазами. Замираю со стаканом сока в руке. — Что ты мне предлагаешь?

— Свободные отношения, Диан, — невозмутимо повторяет муж. Я бы даже сказала, хладнокровно.

Отправляет в рот кусочек мяса и жует. Медленно. Обстоятельно.

Смотрит на меня своими голубыми глазами так, будто предлагает нечто совершенно привычное, обыденное. Сходить в ресторан, например, посмотреть вместе какой-то фильм или сделать что-то из того, что мы сто раз делали за годы брака.

Я плююсь на него в ответ. Жду, когда он, наконец, засмеется и скажет: «Я же пошутил. Видела бы ты свое лицо!»

Но этого не происходит.

Пауза затягивается.

Сквозь бешеный стук своего сердца я слышу лишь металлический скрежет ножа о тарелку, когда Кирилл отрезает очередной кусочек стейка.

Стейка, который я приготовила на обед. Купила вчера и мариновала всю ночь в винном соусе. Хотела порадовать мужа, даже попросила коллегу подменить меня в клинике. Дочка позавчера уехала в летний лагерь, и мы сможем провести

весь день только вдвоем.

— Кир? — громко сглатываю, все еще отказываясь верить в то, что он это серьезно.

Он поднимает на меня взгляд. Спокойный. Решительный. На его лице нет ни тени сомнения или смущения.

Зато я в полном шоке. Мозг отказывается работать.

Кирилл снова продолжает спокойно резать свое мясо, пока я сижу как статуя, не отрывая от него потрясенного взгляда.

— Ну что ты так смотришь? — усмехается он наконец. — Еще покрасней, как школьница на первом свидании.

Кровь, и правда, приливает к лицу. Я чувствую, как горят щеки. Уши тоже горят. Наверное, я сейчас похожа на переспелый помидор.

— Как ты можешь говорить такое? — сиплю. — Я же твоя жена!

— Вот именно, — кивает он, не отрываясь от тарелки. — Шестнадцать лет жена. И наш секс в последнее время похож на выплату долга, ты не находишь?

В груди что-то болезненно сжимается. Я отчаянно мотаю головой.

Не нахожу. Совсем не нахожу. У нас все нормально.

Конечно, той крышесносной страсти, что была в начале отношений, нет. Но это же естественно! Мы повзрослели, обзавелись ребенком, бытом, работой, обязательствами. Но он сам всегда говорил, что хочет меня как раньше, что его все

устраивает.

Еще неделю назад прижимал меня к стене в прихожей и шептал, какая я желанная.

Что случилось-то вдруг?

— Мне не хватает остроты, Диана, — огорошивает муж, словно читая мои мысли. — Все приелось.

— Остроты? — прищуриваюсь. Начинаю закипать. Внутрь растет что-то горячее и злое. — Тебе перца в трусы насыпать?

— Не перекручивай, — морщится Кирилл. — Ну как с тобой нормально разговаривать?

— Может, предлагать нормальные темы для разговора, а?!
— взрываюсь я.

Стакан трясется в руке. Я с силой опускаю его на стол и смотрю, как на белоснежной скатерти расплывается мутное оранжевое пятно от выплеснувшегося сока.

— Да ты пойми, я же о нас забочусь, — поджимает губы Кирилл. Говорит так покровительственно, будто объясняет ребенку, почему нужно ходить в школу. — О нашем браке.

— О нас? — ползут вверх мои брови. — Каким образом то, что ты готов подложить меня под другого, поможет нашему браку?

Представляю себе эту картину. Кирилл в объятиях какой-то незнакомки. Целует ее, шепчет те же слова, что когда-то шептал мне. А потом приходит домой и рассказывает мне об этом за ужином. Как дела на работе и какая у него

была любовница. Как и что он с ней делал, в каких позах и сколько раз.

Тошнота подкатывает к горлу.

А Кирилл... морщится. Отводит глаза. Барабанит пальцами по столу.

И тут меня осеняет.

Как током бьет.

Он же знает! Прекрасно знает, что я категорически против измен. Что свободные отношения для меня табу. Мы это обсуждали сто раз за шестнадцать лет, когда смотрели фильмы, когда обсуждали чужие разводы, когда я рассказывала про коллег-изменников.

А он кивал и соглашался, радовался, что у него такая верная жена.

Значит, он и не ждет, что я пойду налево.

Просто хочет официального разрешения изменять самому. Чтобы потом не было претензий, не было скандалов. Чтобы можно было сказать: «Мы же договаривались».

— Ты не ждешь, что я соглашусь, — вслух озвучиваю догадку. — Ты просто хочешь развязать себе руки. Тебе нужна индульгенция на измены...

— Да что ты несешь?! — закипает Кирилл. Наконец-то теряет свое олимпийское спокойствие. — Ничего такого я не имел в виду.

— Да ну? — усмехаюсь. — А что тогда имел?

— Пойми ты, это нормально, — снисходительным тоном

объясняет мне муж. — В конце концов, двадцать первый век на дворе. Таким ты уже никого не удивишь. Многие пары через такое проходят, просто не афишируют.

— Серьезно? Ты всех опросил? Можно ознакомиться с результатами опроса?

— Не иронизируй.

— А что мне делать? Радоваться? Хлопать в ладоши?

— Я ведь не развестись предлагаю. Я тебя люблю, Диана. Просто хочу разнообразия.

Меня трясет. Руки дрожат. Хочется взять стакан и кинуть в него. Или тарелку. Или что-нибудь потяжелее.

— Любишь?! — шумно выдыхаю. — И поэтому готов спать с другими?

— Диана, успокойся... — тянет руку ко мне муж.

— Не смей меня трогать! — отшатываюсь. — И не смей мне говорить, что делать!

Кирилл резко бросает салфетку на стол и встает. Стул скрипит по полу.

— Спасибо за обед. Вернусь вечером, — раздраженно бросает он. — Надеюсь, к этому времени ты успокоишься.

Визуал

Диана Ветрова, 36 лет. Врач-педиатр, любящая жена и мама

Кирилл Ветров, 39 лет. Бизнесмен, владелец строительной компании

Лиза Ветрова, 15 лет, дочь Дианы и Кирилла

Глава 2. Пришла помощь откуда не ждали

Диана

Хлопает дверь, и я сижу на месте в полной прострации. Несколько минут не могу пошевелиться.

В голове мешанина мыслей, к горлу подкатывает огромный ком из злости, обиды и боли.

Кирилл. Мой муж. Моя опора. Моя гордость и моя любовь.

Мы вместе поднимались с самого нуля. Помню те времена: съемная однушка на окраине, макароны или картошка на ужин много дней подряд, мой потрепанный пуховик, который я носила три зимы подряд.

Я экономила на всем: на косметике, на одежде, на походах к парикмахеру. Складывала все в общую копилку, в его мечту.

Бессонными ночами сидела рядом, когда он корпел над бизнес-планами, разминала его затекшие плечи, слушала его идеи и страхи. Верила в него. Взяла на себя всю заботу о дочери, чтобы у него было больше времени на работу.

В итоге у мужа все получилось.

И я не уставала благодарить небеса за наше счастье, ведь Кирилл не поступил как многие мужчины. Он не бросил ме-

ня, когда разбогател. Не заменил на модель помоложе. Наоборот, сказал: «Все мое — твое». Что я заслужила это своей поддержкой и верой в него. Покупал мне украшения, возил отдыхать, осыпал подарками.

«Ты прошла со мной весь путь, — повторял он. — Ты имеешь право на все».

Как он может теперь предлагать мне такое? Словно мы совсем чужие друг другу. Словно ему все равно, что причиняет мне боль.

У нас же семья. Пятнадцатилетняя дочь, в конце концов! Дзынь-дзынь.

Я вздрагиваю от звонка в дверь. Сердце подпрыгивает.

Вдруг это муж? Вдруг осознал, что нес полную чушь, и решил извиниться?

Я спешу к двери, открываю рывком и... стону про себя.

На пороге не Кирилл, а его мать, Людмила Александровна. Которую сегодня никто не ждал и с которой мне так и не удалось наладить отношения за столько лет.

Она до сих пор считает, что ее драгоценный сын мог найти партию получше.

В общем, у нас с ней что-то вроде холодного мира. Мы соблюдаем приличия, но теплоты между нами никогда не было. Зато к внучке она относится куда лучше, чем ко мне, потому что у Лизы папин характер и такие же глаза. «Порода», как выражается свекровь.

Она входит, не дожидаясь приглашения. Элегантная, как

всегда. В строгом бежевом костюме от дорогого дизайнера, с безупречной укладкой и макияжем. Как обычно.

— Здравствуй, Диана.

Свекровь улыбается, но голос ровный, а взгляд холодных глаз цепкий, изучающий.

Как же не вовремя она явилась! Мне сейчас совершенно не до вежливых разговоров и светских церемоний.

— Что-то случилось? — хищно вглядывается в меня Людмила Александровна.

Ее острый взгляд скользит по моему лицу. Наверное, вид у меня соответствующий.

— Нет, — отвечаю быстро. Слишком быстро.

Ей только дай повод позубоскалить. Если расскажу, что случилось, она тут же обвинит во всем меня.

Так и представляю ее сверкающий взгляд и поднятый палец: «Я же говорила-а-а!.. Будь ты хорошей женой, Кирилл такого никогда бы не предложил!»

Нет уж. Что бы там ни было, я решу все с мужем сама. Без посторонних советчиков.

— Кирилл дома? — интересуется свекровь, оглядывая прихожую. — Хотела с ним поговорить.

Ну да, ну да. Телефоны, видимо, придумали просто так. Нельзя же просто позвонить и договориться о встрече. Обязательно нужно свалиться как снег на голову.

— Его нет, — коротко отвечаю.

— Жаль, — поджимает губы Людмила Александровна. —

Впрочем, с тобой я тоже хотела поговорить.

О как. Интересно, о чем? Что на этот раз не так с моим ведением хозяйства? Или с воспитанием дочери? А может, опять будет читать лекции о том, как правильно принимать гостей?

— Чаю? — предлагаю из вежливости.

— Разумеется. Черный, без сахара, температура заварки — восемьдесят градусов. Не выше!

Помню, помню твои капризы.

За шестнадцать лет я выучила наизусть все предпочтения свекрови. И в чае, и в еде, и в сервировке стола, и во многом другом.

Вздыхаю и иду на кухню. Включаю чайник, достаю ее любимый сервиз — тот самый, который она подарила нам на свадьбу с многозначительными словами: «Надеюсь, Диана научится им пользоваться».

Когда выхожу с подносом, застаю свекровь у полки над камином. Она невозмутимо опускает ладонь, даже не скрывая, что проверяла пыль. Проводит пальцем по поверхности и внимательно изучает результат.

Прямо как в анекдотах про свекровей.

Только вот мне сейчас совершенно не до смеха.

Мы устраиваемся на диване. Людмила Александровна удовлетворенно кивает, пробуя чай из своей особенной фарфоровой кружки. Из других не пьет, говорит, что они портят вкус напитка.

— Дианочка, тут вот какое дело... — поворачивается ко мне.

Дианочка? Она меня сроду так не называла. Всегда только «Диана», и то как-то сухо. Что-то здесь определенно не так.

— М-м? — настораживаюсь.

— Похоже, ты слишком расслабилась, — произносит она таким тоном, каким врач ставит диагноз.

О чем она говорит? Впрочем, у меня сейчас совершенно нет сил разгадывать ее намеки.

— Людмила Александровна, давайте не будем ходить вокруг да около. Скажите прямо, что случилось?

— Вот именно, что случилось! — выпрямляет спину све-кровь и смотрит на меня с укоризной. — А ты сидишь тут и ничего не предпринимаешь. Или для тебя новость, что Кирилл завел любовницу?

Меня резко бросает жар, в голове раздается оглушительный звон.

Руки начинают дрожать так сильно, что я едва не роняю чашку.

Она видит мою реакцию и понимающе кивает.

— Не знала, значит... — В ее голосе появляется что-то похожее на сочувствие. — Ну, теперь знаешь. Только не вздумай мне тут падать в обморок или биться в истерике. Соберись! Некогда нам жевать сопли.

Нам? С каких это пор мы стали «нами»?

— Я тебе помогу все уладить, — заявляет она решитель-

но.

Что? Свекровь мне поможет? Та самая женщина, которая шестнадцать лет считает меня недостойной своего сына?

Не знаю, что в данный момент шокирует больше: измена мужа, то, что свекровь о ней знает, или то, что она предлагает помощь той, кого недолюбливала все эти годы.

В голове словно вспыхивает красная лампочка, предупреждает: «Диана, тут точно есть какой-то подвох. Ну с чего ей вдруг тебе помогать? Вдруг она и вовсе врет?»

Пока я пытаюсь прийти в себя, Людмила Александровна продолжает деловым тоном:

— Сама понимаешь, тебе нужно быть умнее и избавиться от нее. Чем скорее, тем лучше. Есть у меня пара вариантов, как все сделать грамотно. Значит, слушай внимательно...

— Почему я должна вас слушать? — выпаливаю я, больше не сдерживаясь.

Руки дрожат так сильно, что я ставлю чашку с чаем на стол, боясь разбить. Сердце колотится где-то в горле.

— А кого тебе еще слушать? — насаждает она, подавшись вперед. — И нечего на меня так смотреть. Будешь упрямиться, уведут твоего Кирилла, и глазом моргнуть не успеешь.

Я резко встаю. Не могу больше сидеть, когда она говорит обо мне и моем муже как о каких-то пешках на доске.

— Он что, животное на привязи, чтобы его уводили? — срываюсь я.

— Глупая ты, Диана, — вздыхая, качает головой Людми-

ла Александровна. В ее голосе звучит неприкрытое снисхождение. — На такого мужика, как мой Кирилл, всегда будут охотницы. В твоём-то возрасте уже пора начать понимать такие вещи.

— В моем возрасте? Я все прекрасно понимаю. Мне тридцать шесть, а не шесть.

— Именно, — невозмутимо отвечает она, словно я только что подтвердила ее слова. — Уже не девочка. Пора бы и мозгами пользоваться.

У меня аж дыхание перехватывает от такой наглости.

— Понимаю, в тебе сейчас говорит обида, — продолжает свекровь, — но тебе не восемнадцать, чтобы рушить отношения из-за измены. Все мужчины изменяют рано или поздно.

— Вы серьезно? — горько усмехаюсь я. — Прямо-таки все?

— Серьезнее некуда, — кивает. — Таков мир, Диана. И чем раньше ты это поймешь, тем лучше для тебя.

Я начинаю ходить взад-вперед, пытаюсь хоть как-то сбросить напряжение. Мне хочется кричать, бить посуду, а Людмила Александровна сидит себе спокойненько и изрекает свои жизненные истины, как будто речь о каком-нибудь очередном приеме.

— Да сядь ты уже наконец, хватит перед глазами мельтешишь. Нужно быть умной. Умная женщина не истерит и не причитает: «Ах, как так, меня предали! Муж — козел, раз-

вод и девичья фамилия!». Она сражается за семью, потому что понимает ее ценность. Подумаешь, Кирилл ошибся.

— Ошибся? — дрожит от злости мой голос. Я поворачиваюсь к ней лицом. — Он не ошибся. Он предал.

— Оставь эти громкие слова для мелодрам и женских романов, — морщится свекровь. — Ты еще не сталкивалась с настоящим предательством.

Что? Это еще не настоящее предательство? А что тогда настоящее?

Я смотрю на нее и гадаю: говорила бы она так, если бы у нее была дочь, и ей изменил муж? Или она такая спокойная только потому, что речь идет о ее драгоценном сыночке, который, видите ли, просто «ошибся»?

— А откуда вы вообще знаете? — вдруг осеняет меня. — Как вы узнали?

— Неважно как, — слишком быстро отвечает она. — Важно, что делать дальше. Помогите Кириллу исправить его ошибку.

— Вы следили за ним? — продолжаю допытываться. — Или кто-то донес?

— Диана, не в этом суть... Главное, все исправить, — снова повторяет она.

— То есть изменил он, а исправлять все должна я? — перебиваю ее.

— Да, Диана, ты, — отвечает свекровь с такой уверенностью, будто это само собой разумеется. — Будь мудрее. Ты

же хочешь быть счастливой?

Хочу. Конечно, хочу.

Только вот в чем такое счастье: знать, что муж изменяет, и отваживать от него тех, с кем он спит? Каково это, превратиться в сторожевую собаку при собственном муже? Каждый день жить как на пороховой бочке, подозревать каждую его задержку на работе, каждый взгляд на других женщин?

— А если я не захочу ничего исправлять? — тихо спрашиваю я, садясь обратно.

— Тогда ты дура, — жестко припечатывает свекровь. Никакого сочувствия в голосе. — Лизе нужен отец. Тебе нужен муж. И вы обе нужны ему.

— Но как мне доверя...

— Доверие, милочка, — обрывает меня на полуслове Людмила Александровна, и в ее голосе проскальзывает раздражение, — это роскошь, которую не все могут себе позволить.

Я чувствую, как внутри все сжимается в тугой комок. Неужели она действительно так думает? Неужели всю жизнь прожила по таким правилам и ей нормально? Неужели никогда не доверяла своему мужу? А он ей?

— Людмила Александровна, — спрашиваю, — а ваш муж... он тоже изменял?

Свекровь едва заметно напрягается. На секунду в ее глазах мелькает что-то болезненное, но она быстро берет себя в руки.

— Да. И, как видишь, ни одна из этих хищниц не смогла разрушить мой брак.

Вот, значит, как. Она знала. И молчала. И теперь хочет, чтобы я тоже молчала.

Только вот, судя по боли, проскочившей в ее взгляде, счастливой жизнью с мужем тут и не пахнет.

— Знаете что, Людмила Александровна, — говорю я, выпрямляя плечи, — спасибо вам, конечно, но я сама разберусь. Сама решу, что делать и с Кириллом, и с нашим браком.

Свекровь молчит с полминуты, потом недовольно поджимает губы.

— Как знаешь, — говорит она холодно, встает с места и направляется к выходу.

Спина прямая, как струна. На выходе из гостиной поворачивается и смеривает меня нечитаемым взглядом.

— Смотри, чтобы не было поздно, когда ты поймешь, что я была права. И когда узнаешь, с кем спит Кирилл.

— Что вы хотите этим сказать? — вскакиваю я, спешу за ней. — Людмила Александровна!

Но она уже выходит, не оборачиваясь.

— Людмила Александровна! — кричу я ей вслед.

Тщетно.

Секунда, и она сама закрывает за собой дверь.

Первый порыв: выбежать за ней, догнать, узнать, о ком она

говорит. Кто это? Как ее зовут? Откуда свекровь знает?

Рука уже тянется к ручке, но я отдергиваю ее. Нет уж, не стану унижаться перед свекровью и выпытывать информацию. Узнаю сама. Да и, по большому счету, какая разница, с кем спит Кирилл. Измена есть измена. Предательство есть предательство.

Однако совсем скоро понимаю: разница все-таки есть. Огромная разница.

Визуал

А вот и наша свекровь, Людмила Александровна, дама с нордическим характером. Элегантная, но холодная как айсберг. Умеет одним взглядом заставить прочувствовать всю глубину своего несовершенства)

Неожиданно предлагает помощь Диане, хотя недолюбливала ее долгие годы.

Неужели семейная репутация дороже личных антипатий? Или дело в чем-то другом?

Глава 3. (Не)случайное сообщение

Диана

Меня потряхивает после разговора со свекровью. Руки дрожат, в голове туман.

Еще сегодня с утра все было хорошо: налаженный быт, счастливая семья. Я думала, что счастливая. Оказывается, у Кирилла на этот счет другое мнение.

Брожу по дому, как потерянная. В каждой мелочи вижу напоминание о жизни, которой больше нет. Вот его кружка на столике у дивана. Вот тапочки, которые он всегда небрежно бросает у входа. Вот фотография нашей семьи на полке над камином. Мы такие счастливые на ней. Или мне просто казалось?

К глазам подступают слезы. Я быстро иду на кухню, сажусь на стул. На столе так и стоят тарелки после обеда, а в холодильнике — заготовки для сегодняшнего ужина. Ужина, который точно должен был понравиться Кириллу. Вот только ему теперь нравится другое. Свободные отношения, как он выразился.

Я криво усмехаюсь, смахивая слезы.

Свободные отношения. Красиво звучит. А по-русски это называется изменой.

Виски начинает сдавливать, и я понимаю, что больше не могу здесь находиться. Вскрываю, иду в спальню и переоде-

ваюсь. Потом хватаю ключи от машины и выхожу.

Вопроса, куда ехать, нет: к Ане. Она поймет.

Пока еду, вспоминаю, как мы познакомились десять лет назад.

Тогда я ехала домой после тяжелой смены в детской поликлинике около восьми вечера. И вдруг впереди на перекрестке увидела аварию: легковушка врезалась в столб. Водитель не справился с управлением на мокрой дороге.

Я затормозила, включила аварийку и выбежала. Крикнула прохожим, чтобы вызвали скорую.

Машина оказалась серьезно помята, лобовое стекло в паутине трещин. За рулем сидела молодая шатенка примерно моего возраста. В сознании, но в шоке. Повезло ей, сработала подушка безопасности.

Она открыла глаза, поморщилась от боли и что-то сказала. Не без усилий я открыла дверь, наклонилась к ней.

— Там моя дочь! — хрипло прошептала она. — Маша... Маша!

Я перевела взгляд и увидела на заднем сиденье, в автокресле, светловолосую девочку лет трех, похожую на ангелочка. Но ангелочек был без сознания, очень бледный, с синюшными губами.

Я бросилась к ней, сразу поняв: ситуация серьезная. Дыхание неритмичное, пульс слабый. Осторожно, поддерживая голову и шею, я достала девочку из автокресла. Подозревала травму позвоночника, но риск был оправдан: ребенок мог

умереть.

Я проверила дыхательные пути, контролируя пульс, но Маше становилось все хуже. Спустя пару минут у девочки остановилось дыхание.

Ее мать что-то кричала, выбравшись из машины, но я не слышала. Была только эта маленькая девочка и моя борьба за ее жизнь. Массаж сердца, искусственное дыхание. Полторы минуты, которые показались мне вечностью. Наконец она сделала самостоятельный вдох, появился слабый пульс, и я выдохнула.

Скорая приехала только через десять минут. К этому времени дыхание Маши восстановилось, пульс стал четче, но она все еще была без сознания.

— Вы ее буквально с того света вытащили, — сказала фельдшер. — Мы могли не успеть.

Я поехала за скорой в больницу. Там, пока Маша была в реанимации, ее мать, которая представилась Аней, не отходила от меня. Рыдала, благодарила.

— Вы спасли мою дочь! — все повторяла она. — Я не знаю, что бы я без нее делала! Я так вам обязана!

Слава богу, тогда все обошлось. Маша пошла на поправку, а мы с Аней начали общаться, со временем стали лучшими подругами и начали общаться семьями.

Я паркуюсь во дворе ее дома. Захожу в подъезд за одним из жильцов, поднимаюсь на нужный этаж и жму на звонок.

Аня открывает дверь, округляет глаза, увидев, в каком я

состоянии, и сразу затаскивает внутрь.

— Маша дома? — спрашиваю.

— Нет, у бабушки. Влада тоже нет, он на работе. Диан, что случилось? На тебе лица нет. Пойдем на кухню, заварю чай.

Я рассказываю о сегодняшнем обеде с Кириллом.

Аня слушает, округляя глаза от удивления.

— Охренеть... — выдает с чувством. — Слушай, может, он это несерьезно? Вот увидишь, все образуется.

— Образуется? Как?

— Ну как-как. Передумает. Он же тебя любит.

— Угу, — криво усмехаюсь, — и именно поэтому готов спать с другими. То есть не просто готов, а...

Я вынужденно умолкаю, так и не сказав о разговоре со свекровью, потому что звонит мой телефон.

Смотрю на экран. Мама.

— Привет, мам, — отвечаю.

— Доча, напомни мне, про какие таблетки ты говорила. Что-то опять желудок прихватило, хотя вроде ничего такого не ела...

И тут экран гаснет. Телефон сел.

Блин, как не вовремя.

— У тебя есть зарядка? — спрашиваю у Ани.

— Сейчас посмотрю.

Подруга выходит, но через несколько минут возвращается и разводит руками:

— Слушай, мои, как назло, забрали свои зарядки. А моя

тебе не подойдет, сама знаешь.

— Дашь тогда позвонить от тебя?

— Конечно. Я пока поищу, может, где-то завалилась еще какая-нибудь зарядка.

Я набираю мамин номер, продолжаю прерванный разговор, сетуя на то, что она так и не сходила к врачу.

— Схожу на следующей неделе, обещаю, — говорит мама.

Я вздыхаю, закатывая глаза. Ага, уже две недели обещает. Придется брать за ручку и вести самой.

Заканчиваю разговор, собираясь нажать кнопку выключения экрана, и тут он вспыхивает входящим сообщением в мессенджере.

«Ты одна?»

А с фотографии контакта на меня смотрит... мой Кирилл. Зачем он ей пишет? Почему интересуется, одна ли она?

В голове начинает звенеть. Неужели это то, о чем я думаю? Неужели именно об этом говорила свекровь?

Телефон Ани снова вибрирует. Вот только чтобы увидеть следующее сообщение от Кирилла, мне надо открыть предыдущее.

Первая мысль: открыть, прочитать все, что там есть. Но интуиция подсказывает: ничего я там не найду. Даже если у них что-то есть, Аня не стала бы сохранять переписку. В конце концов, она замужем и не стала бы палиться перед Владом.

Я откладываю телефон, встаю и подхожу к окну, обнимая

себя руками. Тело пробивает нервная дрожь.

Пытаюсь представить Кирилла и Аню вместе и... не могу. Мотаю головой. Только не она. Не та, которая плакала от благодарности и клялась, что всегда будет мне обязана. Не та, с которой мы делились самыми сокровенными секретами, кому я так доверяла. Не та, которая праздновала со мной каждую годовщину свадьбы и восхищалась тем, какая у меня замечательная семья.

И Кирилл... он тоже не мог. Не мог же он выбрать именно ее? У него столько вариантов: коллеги, случайные знакомые... Да кто угодно, город-то большой! А он... с ней?

Это же изощренное предательство — не просто измена, а измена с человеком, который был частью нашей семьи, нашей жизни. Как они могут смотреть мне в глаза, зная, что...

Нет. Это невозможно.

Но сердце колотится так, словно пытается выскочить из груди. Потому что где-то глубоко внутри я знаю. Знаю, что все сходится. Слова свекрови плюс странная реакция Ани, когда я упомянула о «свободных отношениях». То, как она отвела взгляд. То, как быстро сказала, что Кирилл передумает...

Что делать? Припереть ее к стенке и спросить, зачем ей пишет мой муж?

— Нашла! — вдруг раздается громкий голос подруги, и я вздрагиваю.

Поворачиваюсь и вижу зарядку в ее руке.

Она втыкает зарядку в розетку и ставит мой телефон на зарядку. Затем берет свой телефон и... переводит на меня обеспокоенный взгляд.

— Диан?

— Ч-что? — Голос дрожит помимо воли.

— Мне тут Кирилл написал, — закусывает губу она. — Интересуется, одна я или с тобой. Походу, не смог до тебя дозвониться и потерял. Что мне ему ответить?

Мир вокруг меня словно замирает.

Я смотрю на Аню. На то, как она проводит ладонью по волосам, на легкий румянец, который проступает на щеках. И понимаю: она лжет. Лжет мне прямо в глаза.

Внутри меня что-то рвется на части. Хочется закричать, швырнуть что-нибудь, потребовать правды. Но вместо этого я только стою и смотрю на нее, пытаюсь найти хоть какие-то признаки той Ани, которую я знала. Той, которой доверяла.

— Диан? — Она делает шаг ко мне. — Ты как-то странно выглядишь. Что с тобой?

Как она может так спокойно говорить? Как может притворяться, что ничего не происходит? Неужели я была настолько слепа все это время?

— Ничего, — выдавливаю из себя, отворачиваясь к окну.

— Так что мне ответить Кириллу? — настаивает она, и в ее голосе я слышу что-то... нетерпение? Беспокойство?

Поворачиваюсь обратно и внимательно смотрю на нее. На то, как она сжимает телефон в руках.

— А что он обычно пишет? — спрашиваю максимально ровным тоном, наблюдая за ее реакцией.

— Что ты имеешь в виду? — слишком быстро отвечает она.

— Ну, раз он не смог до меня дозвониться, значит, это не первый раз? Или как ты поняла, что он меня «потерял»?

Аня замирает. Буквально на секунду, но я это замечая. Затем принужденно смеется:

— Ну... логично же. Твой телефон выключен, он не смог дозвониться, вот и потерял.

Ложь. Опять ложь. И самое страшное, она лжет так уверенно, словно натренировалась. Сколько раз она уже обманывала меня? Сколько месяцев? Лет?

— Напиши, что я с тобой, — говорю я, не сводя с нее взгляда. — И что мой телефон разрядился.

Что-то мелькает в ее взгляде. Облегчение? Разочарование? Не могу понять.

Она быстро печатает сообщение и бросает, убирая телефон в карман:

— Готово. Может, попьем чаю? У меня есть тот самый, который ты любишь.

Тот самый чай, который она всегда покупает специально для меня. Тот самый, который мы пили, когда обсуждали наших мужей. Когда я жаловалась, что мне не хватает внимания Кирилла. А она слушала. Кивала. Давала советы. И все это время...

— Не хочу, — отвечаю резче, чем планировала.

Аня вздрагивает от моего тона.

— Ди, что происходит? Ты ведешь себя как-то... странно. Странно? Я? После того, что только что произошло?

— А как я должна себя вести? — не выдерживаю я. —

Когда моему мужу внезапно становится интересно, одна ли ты дома?

Между нами виснет тишина, тяжелая и напряженная. Аня бледнеет. Я вижу, как она судорожно сглатывает, как ее руки начинают дрожать.

— Диана, о чем ты? — голос у нее осипший. — Кирилл просто...

— Просто что? — перебиваю я, делая шаг к ней. — Просто интересуется твоим распорядком дня? Просто волнуется о твоём самочувствии? Или просто хочет знать, когда можно к тебе приехать?

Последние слова вырываются сами собой, потому что я больше не могу держать это в себе. Не могу притворяться, что все в порядке.

— Диана, стой, — поднимает она ладони, словно защищаясь. — Ты не понимаешь...

— Не понимаю? — смеюсь я, но смех получается истерический. — А что тут понимать? Мой муж пишет моей лучшей подруге, интересуется, дома ли она. Моя лучшая подруга краснеет и мямлит что-то невнятное. И я не понимаю?

— Это не то, что ты думаешь.

— А что это? — Мой голос звенит от напряжения. — Скажи мне, что это, Аня. Объясни мне, почему мой муж тебе пишет. Объясни, почему ты так нервничаешь. Объясни, почему я чувствую себя полной идиоткой, которую дурачили неизвестно сколько времени.

Она медленно качает головой, и я вижу слезы в ее глазах. Не знаю, настоящие они или нет. Уже не понимаю, чему верить.

— Диана, пожалуйста, сядь. Давай поговорим спокойно.

— Не надо мне говорить, как себя вести! — взрываюсь я.

— Ты уже достаточно мне наговорила за все эти годы. Выслушивала, давала советы, а сама...

Аня всхлипывает.

— Все не так...

— Не так? — Я подхожу к ней вплотную. — А как? Расскажи мне, как это было на самом деле. Расскажи, когда это началось. Расскажи, как вы смеялись надо мной, лежа в одной постели.

— Мы не смеялись! — выкрикивает она, и в ее голосе столько боли, что я невольно отступаю. — Мы никогда не смеялись! Это... это просто случилось...

Вот оно. Признание. То, что я боялась услышать, но что должна была знать.

— Случилось, — повторяю я почти шепотом. — Когда?

Глава 4. Это случилось

Диана

Аня стоит передо мной, и по ее щекам катятся слезы. Она трясется, словно от холода, и даже не смотрит мне в глаза.

— Год назад, — шепчет она, так и не поднимая взгляда. Голос дрожит, словно она произносит каждое слово через силу. — Чуть больше года...

Внутри все опускается. Год.

Целый год любимый муж и лучшая подруга украшали меня увесистыми рогами и продолжали вести себя так, словно ничего не случилось. Словно мы по-прежнему близкие и дорогие друг другу люди.

Я закрываю глаза и пытаюсь унять головокружение. Мне кажется, что пол под ногами качается, как палуба корабля в шторм.

Пытаюсь вспомнить, что было год назад. Мой день рождения? Нет, раньше. День рождения Кирилла? Тоже нет... А, да. Моя операция. Удаление аппендицита. Я лежала в больнице, а Кирилл должен был присматривать за Лизой, плюс у нее в школе намечался концерт. Нужно было дошивать костюм, репетировать. Аня тогда предложила помочь. Сказала, что у нее как раз отпуск, и она без проблем поможет.

Я тогда была так благодарна! Лежала в палате и думала: какое счастье, что у меня есть такая подруга.

Дура. Какая же я была дура...

— В больнице, — говорю я, и это не вопрос. — Когда я лежала в больнице.

Она вздрагивает и кивает.

— Он был такой растерянный... а ты... ты лежала там, и врачи говорили про осложнения... Он был в панике. Не спал, не ел толком...

— И ты его утетила, — усмехаюсь горько. — Какая ты заботливая. Какая понимающая.

— Это не было запланировано! — Она поднимает на меня красные от слез глаза. — Мы просто... Лиза уснула, мы разговаривали о тебе, о том, как он боится тебя потерять. И потом... потом я обняла его. И...

— И что? — Мой голос звучит как лед.

— И мы поцеловались, — еле слышно выдавливает она. — Всего один раз. Один единственный раз! Мы сразу поняли, что это ошибка, и поклялись, что это больше никогда не повторится.

Я смотрю на нее и не верю ни одному слову. Потому что если это был единственный поцелуй год назад, зачем Кириллу интересоваться, дома ли она сейчас?

— Врешь, — просто говорю я.

— Диана...

— Врешь! — повышаю голос я, и Аня шарахается от меня. — Если это случилось только раз год назад, зачем он тебе пишет сейчас? Зачем интересуется, одна ли ты? И с чего ты

так нервничаешь?

Она снова закрывает лицо руками и начинает раскачиваться из стороны в сторону.

— Это так сложно объяснить...

— Что тут сложного? Открываешь рот и говоришь. Когда вы виделись в последний раз?

Молчание. Долгое, красноречивое молчание. В квартире слышно только тиканье часов на кухне и шум машин за окном.

— Аня, — мой голос становится угрожающе тихим, и я вижу, как она съеживается, — когда вы виделись в последний раз?

— Позавчера, — выдыхает она. — Когда ты была на работе. Он приехал... мы пытались закончить... это.

Позавчера. Позавчера я задержалась на работе, пришла домой в девять вечера, уставшая и голодная. Кирилл встретил меня с ужином и был очень внимателен. Массировал плечи, интересовался делами, предлагал ванну...

А я-то радовалась. Думала, какой у меня заботливый муж. Как мне повезло.

— Как мило, — говорю я, и сама удивляюсь тому, как спокойно это звучит, хотя внутри бушует ураган. — То есть позавчера вы хотели все закончить, а вчера он приходил домой и был идеальным мужем. Совесть замучила? С чего вдруг?

— Диана, мы правда хотели все закончить...

В ее голосе столько отчаяния, что впору пожалеть. Но жа-

лости во мне не осталось. Выгорела дотла.

— Но не закончили, — заканчиваю за нее.

Она качает головой.

— Мы не можем. Мы пытались, но... но мы не можем.

Сердце пропускает удар. Вот оно что. Они не могут друг без друга. Мой муж и моя лучшая подруга не могут остановиться.

Я стою и смотрю на нее, и внутри меня что-то окончательно ломается. Не сердце — оно уже разбилось. Что-то другое. Последние остатки той жизни, которую я считала своей.

— Сколько раз? — спрашиваю я, и мой голос звучит как у робота. Механически.

— Диана, не надо...

— Сколько раз вы встречались? — продолжаю я методично. — Сколько раз он приходил сюда, пока я была на работе? Сколько раз ты приходила к нам домой и смотрела мне в глаза, зная, что спишь с моим мужем? Сколько раз ты обнимала меня на прощание и говорила, что любишь меня как сестру?

— Я не хотела... — всхлипывает она. — Мы не планировали... Это просто получилось...

— Отвечай на вопрос.

— Я не считала...

— Аня, — делаю шаг к ней, и она инстинктивно отступает к стене. — Если ты не ответишь мне сейчас, я пойду домой и спрошу у Кирилла. И знаешь что? Он скажет мне правду. Потому что ваша ложь уже раскрыта, и теперь каждый будет

пытаться выставить себя в лучшем свете. Свалить вину на другого.

Она испуганно смотрит на меня и понимает, что я не блефую.

— Часто, — шепчет она. — Очень часто. Почти каждую неделю. Иногда чаще.

Каждую неделю. Почти год они встречались каждую неделю. Пока я работала, воспитывала нашу дочь, готовила ужины, планировала семейные выходные, строила планы на будущее...

— Где? — мой голос по-прежнему обманчиво спокоен, но руки начинают дрожать.

— Здесь. У меня, — она обхватывает себя руками, словно пытается защититься. — Иногда... иногда в его машине.

В машине. В той самой машине, в которой мы ездили в отпуск всей семьей. В которой он возит Лизу в школу. В которой мы и сами иногда... Господи, даже вспоминать теперь противно.

— А дети? Маша и Лиза что-нибудь подозревает?

— Нет! — она качает головой так энергично, что я боюсь, как бы она не свернула себе шею. — Мы всегда очень осторожно... Только когда они в школе или где-то еще.

Осторожно. Они были осторожны. Планировали. Выбирали время. Это не было импульсивной страстью, это был обдуманный обман. Каждую неделю. Год.

— А твой муж? Он знает?

Аня меняется в лице, бледнеет еще больше, если это вообще возможно.

— Влад... он же в командировках часто, — громко сглаживает. — Он не... не знает.

— То есть ему ты врала точно так же, как и мне. Лицемерная дрянь!

— Диана, пожалуйста...

— Что «пожалуйста»? — взрываюсь я. — Что ты от меня хочешь? Понимания? Прощения? Хочешь, чтобы я сказала, что все нормально, что любовь зла, полюбишь и козла?

— Я хочу, чтобы ты поняла... — начинает она, но я перебиваю.

— Поняла?! Что именно? Что вы не виноваты? Что это судьба? Что вас ветром принесло друг к другу? — Сарказм в моем голосе можно резать ножом. — Аня, ты дружила со мной десять лет. Десять! Ты крестная моей дочери! Ты клялась, что будешь защищать ее, как родную. А теперь разрушаешь ее семью!

— Мы не хотели... — лепечет она.

— Заткнись! — рычу я. — Просто заткнись! Вы хотели. Еще как хотели. Иначе это не продолжалось бы год. С первого же раза можно было остановиться, если есть хоть капля совести. Но вы не остановились. Потому что вам было хорошо. Потому что вам нравилось.

Я подхожу ближе, и она прижимается спиной к стене.

— Знаешь, что самое мерзкое? — шепчу я ей в лицо. —

Не то, что вы трахались. Люди изменяют, это случается. Самое мерзкое, что ты продолжала играть в дружбу со мной, а Кирилл — с Владом! Ты приходила на дни рождения моей дочери с подарками и улыбалась мне. Говорила, какие мы красивые с Кириллом. Интересовалась нашими планами на отпуск. И Кирилл не лучше! Общался с Владом так, словно ничего не произошло, словно так и надо! Какой садизм нужно иметь в душе, чтобы так себя вести?

Аня плачет навзрыд, но мне все равно. Мне плевать на ее слезы.

— Ты знаешь, что я год назад, когда лежала в больнице, каждый день думала о том, как мне повезло? — продолжаю я. — Что у меня есть муж, который меня любит, и подруга, на которую можно положиться. А вы в это время...

Я не могу договорить. В горле встает ком, и я понимаю, что сейчас заплачу. А этого нельзя. Не здесь. Не при ней.

— Мы хотели тебе все объяснить! — умоляюще смотрит на меня Аня. — Вместе. Кирилл согласился поговорить с тобой сегодня вечером...

— Так он уже поговорил. О свободных, — рисую пальцами кавычки в воздухе, — отношениях. То есть вы не можете расстаться, а я и Влад должны закрыть глаза на ваши встречи? Так, что ли? Да вы вообще в своем уме?!

Меня аж лихорадит от абсурда происходящего.

— Диана, пойми, мы любим друг друга, — говорит Аня, и эти слова бьют меня сильнее любого удара.

Любят. Они любят друг друга.

А я что? Препятствие? Неудобная деталь их прекрасной любовной истории?

— Понятно, — киваю я. — Значит, любите. А что же тогда я? Кто я в этой истории?

— Ты наш самый дорогой человек...

— Заткнись, — говорю я так тихо, что она сначала не понимает, расслышала ли.

— Что?

— Заткнись, — повторяю я громче. — Просто заткнись! Не смей говорить мне, что я дорогая. Дорогих людей не предают. Дорогих людей не обманывают год подряд.

Я поворачиваюсь к двери, потому что боюсь, что если останусь здесь еще хотя бы минуту, то сделаю что-то непоправимое.

— Диана, подожди! — Аня хватает меня за руку.

Я резко оборачиваюсь, и она отступает от выражения моего лица.

— Не смей меня трогать. Никогда больше не смей меня трогать.

— Пожалуйста, давай обсудим...

— Что? — надтреснуто говорю я и болезненно морщусь. — Как ты утешала меня, когда я жаловалась, что Кирилл в одно время стал более отстраненным? Как советовала мне быть терпеливой и понимающей? Как говорила, что он просто переживает кризис среднего возраста?

Она плачет еще сильнее, но меня это больше не трогает.

— Помнишь, как я однажды пришла к тебе и сказала, что с Кириллом как будто что-то творится? И что ты мне тогда сказала?

— Диана...

— Что ты мне тогда сказала?! — кричу я.

— Что... что ты должна больше стараться, — шепчет она.

— Стараться, — повторяю я. — А в это время он уже спал с тобой. И ты это знала. Сука! Ты знала, почему он так себе вел, и советовала мне больше стараться! Потом у нас все наладилось, и сейчас я понимаю почему. Это не из-за меня, а потому что ты сказала ему, что я что-то подозреваю! Ты!

Я отворачиваюсь и иду к двери.

— Диана, не уходи так! Мы должны что-то решить!

Я останавливаюсь, не оборачиваясь.

— «Мы» ничего не должны. А ты должна только одно: убраться из моей жизни. Навсегда.

— А как же Лиза? Она же считает меня тетей Аней... Мы же семья...

Меня передергивает, и я медленно поворачиваюсь к ней.

— Не смей упоминать мою дочь. Не смей даже думать о ней. Ты перестала быть частью нашей семьи в тот момент, когда поцеловала моего мужа.

— Но мы можем все исправить. Мы можем найти выход!

— Какой выход? — Я смотрю на нее с отвращением. — Ты собираешься вернуть мне год жизни? Ты можешь стереть

все те ночи, когда я лежала рядом с мужем, а он в это время думал о тебе? Можешь вернуть мне веру в людей?

— Дианочка, пожалуйста, послушай! Я действительно не хотела! Ты же мне как сестра, я тебя люблю... — всхлипывает она.

— Боже упаси от такой любви, — припечатываю я и мчусь в коридор. Открываю дверь и вылетаю в подъезд.

Аня кричит что-то мне вслед, но я уже не слушаю. У меня есть дела поважнее.

Мне нужно поговорить с мужем.

Глава 5. Последняя капля

Диана

Я еду домой, а в голове крутится разговор с Аней. Каждая фраза, каждый взгляд, каждая ее слезинка прокручиваются заново, словно заевшая пластинка.

Руки дрожат так сильно, что приходится крепче сжимать руль, чтобы не потерять управление.

Как она могла? Как? Эта мысль бьется в голове, как птица в клетке.

Десять лет дружбы. Десять лет доверия, общих секретов, взаимной поддержки. Она первая узнавала о каждой моей радости и каждой беде. И все это время... все это время она была способна на такое предательство? Когда она положила взгляд на моего мужа? Наверняка раньше, чем случился их первый поцелуй. И как я могла этого не увидеть?

И Кирилл. Господи, Кирилл! Шестнадцать лет брака. Шестнадцать лет жизни рядом. Разбуди меня среди ночи, и я не задумываясь расскажу, что он любит, а что нет, какие у него привычки, цели и так далее. Я знаю его. Или думала, что знаю.

Чего ему не хватало? Чего? Я стараюсь быть хорошей женой, хорошей матерью. Готовлю, убираюсь, работаю, поддерживаю его, не пилую. В постели тоже все было нормально... по крайней мере, мне так казалось. Так чего же ему не хватало?

А Ане чего не хватало? Влад в ней души не чаёт. Я видела, как он на неё смотрит, как заботится. Привозит цветы без повода, помнит все её пожелания, балует подарками. Даже из командировок обязательно что-то привозит. Он любит её искренне, по-настоящему. И что она делает? Изменяет ему с мужем своей лучшей подруги.

Господи, какая мерзость... Какая подлость.

Машина сама поворачивает к дому, словно включился автопилот. Мысли мечутся, как дикие животные в клетке. Как жить с этим знанием?

Когда расстаёшься в двадцать, всё проще. За плечами нет кучи прожитых вместе лет, совместного имущества, общих друзей, привычек, традиций. И впереди ещё куча времени, чтобы начать заново. А что делать, когда половина жизни прожита, когда все твои планы строились на том, что этот человек будет рядом до конца?

Лиза... моя девочка. Что она скажет, как отреагирует? С одной стороны, ей уже пятнадцать — не маленькая. С другой стороны, всего пятнадцать. Подростки реагируют на расставание родителей ничуть не меньше, чем маленькие дети. Может, даже больше, потому что все воспринимают острее, болезненнее. Тем более Лиза так любит папу. Он её кумир, идеал мужчины.

«Хочу мужа, как папа», — говорила она ещё недавно. Вот тебе и идеал...

Как объяснить пятнадцатилетней девочке, что её отец —

предатель? Что тот мужчина, на которого она равняется, которым гордится, способен разрушить семью ради страсти? Что он лжет, обманывает, играет с чувствами людей?

И как объяснить, что тетя Аня, которую Лиза обожает, которая дарила ей подарки на каждый день рождения, учила плести косички и красить ногти, тоже предательница? Что взрослые, которым она доверяла, оказались способны на такую подлость?

Поговорить они собирались со мной, видите ли!

Вспоминаю слова Ани, и меня снова начинает трясти от злости.

Кириллу даже на это не хватило духу, вот и придумал свободные отношения. И я ведь, судя по всему, не должна была узнать, с кем именно у него будут эти свободные отношения. Ну а что, удобно: жена закрывает глаза на измены, не знает подробностей, не мучается от того, что предательство совершила самая близкая подруга.

Но я узнала. И теперь что? Чем думал Кирилл? Неужели реально допускал мысль, что я все-таки соглашусь на эти чертовы свободные отношения и стану молча наблюдать, как мой муж таскается к любовнице? А потом возвращается домой и ложится в постель рядом со мной?

Меня выворачивает от одной только мысли об этом.

Интересно, Аня уже сообщила ему, что я все знаю? Наверняка. Небось сразу же схватила за телефон, как только за мной закрылась дверь.

«Кирилл, она все знает! Мне так плохо, она так на меня орала! Что мне делать?» Паника, слезы, взаимные обвинения — кто виноват, кто первый начал.

Хотя нет. Скорее всего, они хладнокровно обсуждают, как лучше выкрутиться. Как преподнести все так, чтобы выглядеть не совсем уж подонками.

«Скажем, что мы не могли сопротивляться. Страдали и мучились, но ничего не могли с собой поделаться». Стандартный набор оправданий для изменщиков.

Вот и мой дом. Наш дом. Еще вчера он казался уютным гнездышком, местом, где можно укрыться от всех проблем. А сегодня превратился в клетку, в которую мне даже возвращаться не хочется.

Я паркуюсь, но еще несколько минут сижу в машине. Сердце колотится, во рту пустыня. Хочется развернуться и уехать куда глаза глядят. В другой город, в другую страну, на другую планету.

Но нельзя. Нужно идти и разговаривать. Выяснять отношения. Принимать решения.

Я медленно поднимаюсь по ступенькам, и каждая ступенька дается с трудом, словно ноги налились свинцом.

Дверь открывается, и я сразу вижу Кирилла. Он стоит в прихожей, словно ждал. И по его взгляду понимаю: он успел созвониться с Аней. Знает, что я все знаю.

— Поговорим? — машет рукой в сторону гостиной.

И главное, выглядит таким спокойным, словно это толь-

ко моя семья и мой внутренний мир развалились на части. Словно для него это просто неприятная необходимость.

— Что-то сегодня всем не терпится со мной поговорить, — прищуриваюсь. — Я думала, ты уже помчался утешать свою возлюбленную.

— Диана...

— Что Диана? Что?! — взрываюсь я, кричу. — Как ты мог, Кирилл? Да еще с ней! Из всех женщин в мире ты выбрал именно ее!

Он морщится от моего крика и цедит ледяным тоном:

— Давай ты не будешь так остро реагировать. Ты же знаешь, я не люблю, когда ты повышаешь голос.

Это последняя капля.

Воздух в комнате будто становится плотнее. Он изменяет мне с лучшей подругой целый год, разрушает нашу семью и при этом приказывает, как себя вести?! От его наглости у меня начинает звенеть в ушах.

— Ты не любишь? — дрожит от ярости мой голос, и я с трудом выговариваю каждое слово сквозь сжатые зубы. — А я не люблю, когда мой муж трахает мою лучшую подругу! Но почему-то никто не спрашивал моего мнения! Никого не интересовало, что я по этому поводу думаю!

— Диана, ну что ты как маленькая? — вздыхает Кирилл, даже руками разводит. — Подумаешь, большое дело. Это жизнь.

При этом смотрит на меня с таким видом, будто я веду се-

бя неадекватно, а он — образец терпения и разумности. Звук его голоса и этот покровительственный, терпеливый тон царапают нервы, как скрежет вилки по пустой тарелке.

— Подумаешь?! — Мой голос срывается на змеиный шепот. — Ты год изменял мне с моей лучшей подругой, и это «подумаешь»?!

— А что в этом такого ужасного? — пожимает плечами муж, и я не верю своим ушам. Неужели он действительно не понимает? — Дом у тебя есть, деньги есть, внимание получаешь. Вообще-то, я очень даже о тебе заботился все это время.

Меня начинает тряссти. Он говорит так, словно делал мне невероятное одолжение, продолжая жить в браке, пока спал с другой женщиной. И не просто с другой, а с крестной своей дочери!

— Заботился?! Ты называешь заботой то, что водил меня за нос целый год?!

— Я берег тебя! — повышает голос Кирилл, и наконец-то в его тоне появляются эмоции. — Хотел как лучше для всех.

— Хотел как лучше? — не могу поверить в то, что слышу. — Для кого лучше, Кирилл? Для меня? Которая жила в браке-пародии и не знала об этом?

— Для всех! — раздраженно машет он рукой. — Я ведь не бросаю семью.

— То есть для нашей дочери лучше, что ее родители при-
творяются счастливой семьей?

— Почему притворяются? Разве ты не была со мной счастлива? Разве я не был хорошим мужем?

В его голосе звучит такая искренняя обида, что я диву даюсь.

— К тому же Лиза ни о чем не догадывается. Мы были предельно осторожны. И потом, детям лучше жить в полной семье, это всем известно.

— В полной семье?! — в этот момент жалею, что рядом нет сковородки поувесистей. — Ты называешь полной семьей, где папа изменяет маме с ее лучшей подругой? Где все строится на лжи и предательстве?

— Я исправно выполняю все свои обязанности мужа и отца, — говорит он с таким видом, будто зачитывает должностную инструкцию. — Приношу в дом деньги, занимаюсь с ребенком, уделяю тебе внимание. Разве не так? Чего еще ты от меня хочешь?

— Верности, например! Честности! Уважения!

— Так я ведь честно сказал тебе, что хочу свободных отношений.

— Честно?! Ты предложил свободные отношения, когда у тебя уже год был роман с Аней! Это называется поставить перед фактом, чтобы прикрыть вашу связь, а не честность. И что насчет Влада? — мой голос становится ядовито-сладким. — Ему вы тоже «честно» расскажете? Или ты планируешь и дальше смотреть ему в глаза и пожимать руку, когда мы встречаемся? Продолжать врать мужу своей любовницы?

Кирилл поджимает губы так сильно, что они становятся тонкой белой полоской. Он явно не ожидал этого вопроса, не продумал эту часть своего гениального плана семейного счастья.

— С Владом я разберусь сам, — буркает он.

— Ага, я вижу, как ты разбираешься, — истерически хочу я. — Год уже разбираешься. А как это должно работать дальше в твоих свободных отношениях? Я тоже должна буду врать Владу в лицо? Или Аня, как и ты, предложит своему мужу свободные отношения?

— Это... это их дело, — неуверенно говорит Кирилл, и я вижу, что он явно не продумал эту часть своего гениального плана.

— Так сам разберешься или это их дело? — не унимаюсь я, наслаждаясь его растерянностью. — Ты уж определись сразу, а то путаешься в показаниях. И что тогда мое дело? Закрывать глаза на то, что мой муж спит с замужней женщиной, у которой тоже есть ребенок? Улыбаться Владу на семейных посиделках, зная, что моя лучшая подруга и мой муж делают из него рогоносца? Смотреть, как наши дети играют вместе, а родители тайком переглядываются?

— Диана, ну перестань драматизировать. — Кирилл устало трет лоб, будто наш разговор подзатынулся. — Я взрослый мужчина, у меня есть свои маленькие потребности и слабости. И потом, повторяю, я ведь тебя не бросаю. Многие мужчины на моем месте давно бы собрали чемоданы и ушли из

семьи. А я остаюсь, беру на себя ответственность. Почему ты это не ценишь? Почему не можешь быть благодарной?

Я стою и смотрю на мужа, с которым прожила столько лет, родила ребенка, строила планы на будущее. И понимаю: передо мной абсолютно чужой человек. Эгоист, который считает себя едва ли не благодетелем за то, что изменяет жене, но при этом не уходит из дома.

И тут во мне будто что-то переключается с громким щелчком в голове. Злость вдруг куда-то уходит, сменяясь странным спокойствием. Я даже улыбаюсь, и, наверное, со стороны это выглядит пугающе, потому что муж отходит на шаг.

— Знаешь что, милый, — говорю я сладким голосом, и Кирилл настораживается от резкой перемены в моем тоне. — Ты абсолютно прав.

— А? — моргает он растерянно.

Я продолжаю улыбаться, и эта улыбка становится все шире.

— Я согласна на свободные отношения. Свободные от тебя!

Лицо Кирилла вытягивается, и я вижу, как в его глазах медленно проступает понимание того, что он только что услышал.

— То есть как это? — моргает он.

— А очень просто. Ты хочешь свободы? Получай. Полную свободу. Свободу собирать вещи и съезжать отсюда к своей дорогой Анечке. Я освобождаю тебя от всех семейных обя-

зательств, которые ты так героически нес все это время.

Взгляд Кирилла темнеет.

— Ты сейчас серьезно?

Я киваю и продолжаю с таким сарказмом, что его можно черпать ложкой:

— А что не так? Или ты хочешь, чтобы я, как и ты, попробовала свободные отношения? С Владом, например. Ну а что, бывают же любовные треугольники. А у нас будет прямоугольник. Или квадрат. Удобно, правда?

— Что ты несешь?! — гремит муж, и на его скулах начинают ходить желваки. Он сжимает кулаки, делает шаг ко мне, и я вижу, как расширяются его ноздри.

О, как его бомбануло! Впрочем, ожидаемо. В голове помимо воли всплывает картинка из сети: «Вы не понимаете, это другое (на самом деле нет)».

— То есть тебе можно, а мне нельзя, я верно понимаю? — скрещиваю руки на груди.

— Разумеется, нет! Тем более с Владом! — рывкает он и осекается, поняв, что сказал.

— Вот именно, Кирилл, вот именно! — ловлю его на слове. — Я могу тебе сказать то же самое: тем более с Аней!

Муж мрачно прищуривается, шумно дышит через нос, проводит рукой по волосам и через несколько секунд напряженного молчания отрезает:

— Знаешь что? Ты сама виновата!

— Я?! В чем? — у меня аж дыхание перехватывает от

возмущения.

— Ну, это же ты привела Аню в наш дом.

Мои брови совершают марш-бросок вверх, и я моргаю несколько раз, не веря услышанному.

— Привела, да. И что? Мы так-то не в вакууме живем! Тебя постоянно окружают женщины, а меня — мужчины. Сюрприз, да? — размахиваю руками. — По-твоему, надо либо сидеть дома и вообще никуда не выходить после заключения брака, либо внезапно ослепнуть и оглохнуть, чтобы нечаянно, — рисую пальцами кавычки в воздухе, — не оказаться в чужой постели? Ты, вообще-то, тоже знакомил меня со своими друзьями и их женами, и мы собираемся все вместе. Забыл?

Муж упрямо поджимает губы, и я продолжаю:

— Мы почти десять лет общаемся с Аней и Владом. Почему-то за все это время мне даже в голову не пришла мысль подкатить к Владу или к кому-то еще из тех, с кем мы дружим семьями. Знаешь почему?

— Ну?

— Потому что я замужем. И для меня брак — это не пустой звук.

— Для меня тоже.

— О, я вижу, — хмыкаю. — Только, видимо, у твоей верности есть срок годности. Давай еще скажи, что я виновата и в том, что загремела в больницу с аппендицитом. Бросила тебя одного на произвол судьбы, и ты утешился в объятиях

моей подруги!

— Диана...

— Что Диана? Или ты думаешь, что своими обвинениями ты себе помогаешь? Нет, милый, только закапываешь себя еще глубже.

Хочу добавить кое-что еще, но останавливаюсь. Зачем я вообще пытаюсь тут что-то ему втолковать? Он слышит только себя.

— Не вижу смысла продолжать этот разговор, — перевожу дыхание. — Лучше подумай, что скажешь нашей дочери, когда она вернется из лагеря.

— Что я должен ей сказать? Что ты хочешь разрушить нашу семью, — сводит брови к переносице Кирилл, — а я хочу ее сохранить?

— Нельзя сохранить то, чего уже нет, — качаю головой. — И не я ее разрушила.

И в этот момент раздается знакомая мне мелодия телефона. Мелодия, которую Кирилл поставил на звонок дочери.

Он достает телефон из кармана брюк, поднимает ладонь, приказывая мне молчать, и отвечает с широкой улыбкой:

— Привет, котенок.

Слушает Лизу, ходит по комнате.

А у меня сердце сжимается. Я представляю, как она вернется из лагеря загорелая, веселая, полная впечатлений, и узнает, что семьи больше нет. Что мама и папа разводятся. Что теперь все будет по-другому.

Видимо, дочка рассказывает Кириллу что-то смешное, потому что он заливается смехом. Так, словно у нас все хорошо, словно мы только что не обсуждали крах нашего брака.

И вдруг останавливается как вкопанный.

— Мама? Дома, рядом со мной. — Он переводит взгляд на меня. — Лиза тебе звонила, ты не ответила.

— Я забыла телефон в машине, — вспоминаю.

Кирилл передает мои слова и спрашивает:

— Сказать ей, чтобы перезвонила? А, хорошо, понял. Конечно, у нас с мамой все отлично. Ну, беги. Жду селфи на фоне моря.

Он кладет трубку.

«У нас все отлично», — отдаются эхом в голове его слова, пока я буравлю его взглядом.

М-да. Отличнее некуда.

— Что ты на меня так смотришь? Надеюсь, не ждала, что я стану портить дочери летний отдых? — осуждающе интересуется Кирилл.

— Разумеется, не ждала. Это совершенно точно не телефонный разговор.

Я перевожу дыхание и чувствую, как из меня словно выкачали остатки энергии. Больше не хочу слушать мужа. Даже быть тут, с ним рядом, не хочу.

— Ну так что, Кирилл, я повторю свой вопрос: тебе помочь собрать твои вещи или сам соберешь и съедешь?

Глава 6. Ты все поняла?

Диана

— И что ты скажешь Лизе, когда она вернется и узнает, что я тут больше не живу? Что выгнала ее отца из дома? — усмехается муж, и в этой усмешке столько самодовольства, что мне хочется хорошенечко его встряхнуть.

Я смотрю на него во все глаза.

— То есть теперь ты собрался прикрываться дочкой? — голос срывается на высокой ноте. — У тебя совесть есть?

Он пожимает плечами.

— Я просто говорю, как есть. Лиза меня любит. И она не поймет, почему мама вдруг решила выгнать ее любимого отца.

— Дочке уже пятнадцать, она не маленькая, — стараюсь говорить спокойно, но меня потряхивает. — Я все ей объясню, и она поймет. Поймет, почему мама больше не хочет жить с папой.

Кирилл качает головой, словно я говорю глупости.

— Диана, тебе нужно успокоиться и не рубить сплеча. Подумай здраво. Сейчас у тебя есть все: дом, стабильность, уверенность в завтрашнем дне. А что будет, если ты уйдешь?

Внутри меня что-то холодеет. Я не знаю, к чему он клонит, но мне это не нравится.

— Вообще-то, у меня есть работа, — фыркаю я.

— И сколько ты там зарабатываешь? — вдруг прищуривается муж, и я понимаю, о чем он.

Да, я неплохо получаю, но мой оклад не идет ни в какое сравнение с тем, сколько получает он.

— Лиза тоже привыкла к определенному образу жизни, — продолжает Кирилл, и в его голосе появляются стальные нотки. — У нее куча увлечений, репетиторы, кружки, летние лагеря. Танцы, английский, теннис. Ты сможешь все это ей обеспечить?

Сердце начинает биться быстрее. Я знаю, что он прав: только на мою зарплату такой уровень жизни не потянуть.

— Уже начинаешь понимать, да? Это хорошо. Я не собираюсь лишать нашу дочь всего, что она любит только потому, что ты вдруг решила взбрыкнуть.

— Вообще-то, существует такое понятие, как алименты, — парирую я.

— Алименты? — изгибает бровь муж. — С моей стороны их не будет.

— С чего это? — округляю глаза я. — По решению суда... Кирилл резко меня перебивает:

— Какого суда? Хотя да, ты права. Это ты будешь платить алименты, потому что Лиза останется жить со мной.

Его слова бьют не хуже пощечины. Я шагаю к нему, и руки сами собой сжимаются в кулаки.

— Ты не сможешь забрать ее у меня! Лизе не пять! Она сама сможет выбрать, с кем хочет жить!

— Именно, — кивает он и скрещивает руки на груди. — Она выберет сама.

И то, как он это говорит, то, как смотрит на меня — с такой уверенностью, с таким превосходством — заставляет меня понять: он собирается втянуть в это все дочь.

Он будет переманивать ее на свою сторону.

Рассказывать, какая плохая мама, которая разрушила семью из-за пустяков. Как она теперь не сможет обеспечить дочери привычную жизнь.

— Ты не посмеешь... — шепчу я, но голос предает меня, дрожит.

— А ты проверь, — усмехается муж. — И насчет работы... Тут вот какое дело, милая: сегодня она у тебя есть, а завтра может и не быть.

Кровь отливает от лица, и я чувствую, как ноги становятся ватными. Клиника, где я работаю... Ее директор — хороший знакомый Кирилла. Они вместе играют в гольф, встречаются в ресторанах, обсуждают деловые вопросы.

Я вспоминаю, как несколько лет назад мы с мужем договорились о моем переходе из государственной поликлиники в частный сектор.

Он сказал, что я уже набралась необходимого опыта, и хотел, чтобы я могла больше времени проводить с семьей, работать в более комфортных условиях. Мол, у него есть связи, он поможет. И помог. Тогда я была так благодарна... потому что и подумать не могла, что он использует это против меня.

— Я найду другую клинику. Город большой, рабочих мест много.

— Попробуй. У меня много друзей и знакомых, которых я могу попросить о небольшой услуге.

Внутри все холодеет. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, о какой именно «небольшой» услуге он говорит. Он сделает так, чтобы я не смогла устроиться на работу в приличную клинику. Не остановится ни перед чем.

— Ну, что молчишь? — усмехается Кирилл, но потом его лицо меняется, становится почти мягким. — Диана, пойми, я хочу сохранить нашу семью. И уходить из собственного дома никуда не собираюсь. Мы решим все вместе. Все будет как раньше. Я же люблю тебя, глупенькая.

Я оторопело смотрю на Кирилла, который только что угрожал лишить меня работы, настроить против меня собственную дочь, а теперь заявляет, что все будет как раньше.

— Ну, успокоилась? — все тем же приторным, сахарным тоном продолжает муж. — Все поняла?

Я молчу в полном шоке, словно получила удар под дых.

Слова застревают в горле, а мысли разбегаются в разные стороны.

Как человек, с которым я прожила столько лет, может настолько хладнокровно ставить меня перед выбором: либо терпи измены и делай вид, что все хорошо, либо теряй все: работу, дом, достаток и, возможно, даже дочь?

Кирилл спокойно идет к мини-бару, словно только что не

перевернул мою жизнь с ног на голову. Наливает себе воды из графина, пьет ее мелкими, размеренными глотками и смотрит на меня как удав на добычу, которая уже не может сбежать. В его взгляде читается холодная уверенность хищника, знающего, что жертва загнана в угол.

Все внутри кипит от бессилия и ярости. Хочется швырнуть в него что-нибудь тяжелое, стереть эту самодовольную улыбку с лица.

Манипулятор хренов! Неужели он действительно верит, что угрозами сможет заставить меня изображать счастливую семью? Или искренне считает, что все действительно наладится, стоит мне только смириться с его предательством? Что я стану послушной женушкой, которая закроет глаза на его похождения ради сохранения статуса и материального благополучия?

«Муж познается в разводе» — вспоминается фраза, на которую я как-то давно наткнулась в интернете. Тогда она показалась мне циничной и грубой. Вот уж точно не о нас. А теперь... теперь я понимаю, что за ней стоит.

Где тот мужчина, с которым я жила столько лет? Тот, кто приносил мне кофе в постель по утрам, кто поддерживал меня, кто говорил, что я самая красивая женщина в мире?

Да, Кирилл мог быть резким, даже жестоким, но только в работе. С конкурентами, недобросовестными поставщиками, нерасторопными сотрудниками. Никогда со мной. До этого дня.

Я лихорадочно соображаю, что делать. Мысли мечутся в голове, как взбесившиеся белки в колесе.

— О чем задумалась? — изгибает уголок губ в холодной усмешке муж, словно читает мои мысли. В его голосе слышится плохо скрываемое торжество.

— О будущем, — бурчу мрачно.

— Зачем тебе о нем беспокоиться? — пожимает плечами Кирилл с показной небрежностью. — Пока ты со мной, о нем буду думать я. Я же глава семьи, верно?

О, я вижу. Подумал так подумал!

— Диана, я слишком хорошо тебя знаю, — вдруг резко ставит стакан на стол Кирилл и медленно приближается ко мне.

Я невольно делаю шаг назад.

— Ты уже что-то задумала, верно? Вижу по глазам. Так вот, уточню на всякий случай: при разводе тебе ничего не светит.

— С чего это? — не удерживаюсь.

— С того, что мой бизнес изначально был записан на отца и перешел ко мне по наследству уже после его смерти, — смотрит на меня сверху вниз Кирилл. — А наследство, сама понимаешь, не делится.

Меня бросает в жар, потом в холод. Ощущение, будто пол уходит из-под ног. Значит, все эти годы я жила в иллюзии, что мы строим что-то общее. А на самом деле была просто наемной работницей, которую можно уволить в любой мо-

мент.

— Почему я узнаю об этом только сейчас? — шепчу глухо, с трудом выдавливая из себя слова.

— Потому что тогда так было нужно, чтобы развить компанию быстрее.

— И ты даже не подумал обсудить это со мной?! — Мой голос срывается на крик. — Я же твоя жена! Мы должны были принимать такие решения вместе!

— Тебе были ни к чему все эти формальности, — парирует муж, добавляет резко: — Я поступил как посчитал нужным.

Формальности, значит.

Внутри шевелится надежда, что он просто врет, пытается меня запугать. Но она быстро гаснет, потому что Кирилл явно доволен собой и своим превосходством. В его глазах читается холодная уверенность человека, который держит все козыри на руках. Нет, он не стал бы блефовать. Слишком много поставлено на карту.

Ярость поднимается из самых глубин, обжигая горло. Я помогала ему во всем! А он... он просто взял и обокрал меня. Официально. Легально. И даже не счел нужным предупредить.

Видимо, еще и поэтому так уверен, что я никуда не денусь.

Что ж... Если до этого я думала поступить по-хитрому, тихо подать на развод и нанять адвоката, то теперь у меня только один выход.

— Хорошо. Я все поняла, Кирилл, — смотрю прямо ему в глаза.

— Вот и умнич..., — улыбается муж, но я его обрываю на полуслове, поднимая ладонь.

— Ты не хочешь уходить? Ладно. Тогда уйду я.

Глава 7. Находка

Диана

— Диана, стой! Куда ты намылилась? — кричит он мне вслед, пока я вылетаю из гостиной и мчусь в нашу спальню на второй этаж.

Скотина. Какая же он скотина!

Как ловко он все просчитал! Даже не усомнился, что все будет, как он решил. Наверняка уже давно все продумал до мелочей: и про наследство, и про мою работу, и про дочь. Жил себе спокойно, изменял без особого страха, ведь у него все схвачено. У-у-у!!!

Вот только с Аней он спит всего год, а фирму на отца переписал давным-давно. Неужели изначально рассчитывал, что со мной не навсегда?

Нет, скорее всего, это его ушлые маменька и папенька постарались. Они ведь изначально меня не принимали. Уговорили, «обезопасили» сыночка от жадной жены.

«Ты понимаешь, Кирилл, женщины такие непредсказуемые, а если что-то случится? Любовь любовью, а бизнес — это другое».

Представляю, как они нашептывали ему на ухо, пока я, дура наивная, радовалась, что его родители подуспокоились и хоть немного сменили гнев на милость. А они просто делали вид, что приняли, потому что уже подстраховались за

моей спиной.

Какая предусмотрительность! Какая дальновидность!

Все эти годы я думала, что мы партнеры, а оказалось, у меня с Кириллом трудовой договор без прав на собственность.

Я захожу в спальню, закрываю дверь на замок. Руки дрожат от злости и бурлящих внутри эмоций, но я заставляю себя двигаться. Нужно собраться, взять себя в руки. Истерики и слезы потом, а сейчас надо действовать.

Захожу в гардеробную, достаю свой чемодан и начинаю складывать в него свои вещи. Хорошо хоть, мне есть куда ехать.

Ну, как есть. От бабушки мне досталась маленькая квартирка, но в ней пока живут квартиранты. Не выгоню ведь я их на улицу прямо сегодня. По договору у них есть две недели, чтобы съехать. Поживу пока в гостинице.

Думаю и о дочери. Согласится ли Лиза жить со мной? Наш дом по сравнению с той квартирой просто клетушка. И до школы дольше добираться...

Встанет ли она на мою сторону? Что, если я лишусь и ее? Качаю головой. Нет, она так не поступит. Не так я ее воспитывала. Лиза — умный и справедливый ребенок.

Может, позвонить ей сразу и все рассказать? Вдруг Кирилл так и сделает. Хотя вряд ли. Если бы хотел, мог это сделать во время ее звонка. Тем более она ведь только уехала в лагерь. Позвоню — испорчу ей отдых. Да и чем она сможет мне помочь? Ничем. Только распереживается, сразу вернет-

ся обратно и застанет все наши ссоры и разборки. Нет уж, лучше сначала окончательно поставить все точки над «и» с Кириллом.

Я роюсь в шкафу, перебираю вещи, и вдруг с вешалки падает один из пиджаков мужа.

Вместо того чтобы повесить его обратно, я от души его пинаю и вижу какой-то белый уголок бумаги, что торчит из кармана.

Поднимаю его. Это обычный белый конверт, в нем... два билета на Мальдивы.

Брови взлетают. Это что же, Кирилл хотел устроить мне сюрприз и наконец слетать со мной в отпуск, о котором я просила его уже почти год? Но у него то переговоры, то важный контракт, то еще что-то.

«Потерпи, дорогая, вот закончу этот проект, и обязательно съездим», — сколько раз я это слышала — не сосчитать.

Изучаю билеты. Первый — на него. А второй...

Я скриплю зубами от злости и сжимаю в руке злосчастный билет на имя... Ани.

Вот, значит, с кем он собрался в отпуск! С ней. И даты вылета свободные — видимо, планировал выбрать удобное время.

«Полетим, когда сможешь, дорогая, — так и представляю, как муж шепчет это моей бывшей подруге на ухо, обдавая его горячим дыханием. — Ты ведь мечтала о Мальдивах, я знаю».

То есть со мной отдыхать ему уже запаadlo, а с ней — за милую душу? Для меня одни отговорки, а для нее — дорогие билеты и романтический отпуск на райских островах?

Вот урод! Я на клочки рву билеты и продолжаю с остервенением бросать одежду в свой чемодан.

Сюрпризы он любит устраивать, значит.

Что ж, тогда и я устрою ему сюрприз. И ему не понравится.

Глава 8. Белоснежные розы

Диана

Я волоку чемодан по лестнице, и каждая ступенька отдается болью в груди. Колесики громко стучат, словно отбивают ритм моего бешеного сердцебиения. Руки все еще дрожат от ярости, но я заставляю себя идти дальше. Назад дороги нет.

Спускаюсь в гостиную и вижу Кирилла. Он сидит в кресле, откинулся на спинку и закинул ногу на ногу. Руки раскинул по подлокотникам. Ни дать ни взять хозяин замка на троне. Даже не пошевелился, когда услышал мои шаги. Демонстративно равнодушен. Уверен в себе до наглости.

Он окидывает меня взглядом сверху вниз, задерживается на чемодане, и на его губах появляется самодовольная усмешка.

— Уходишь, значит? — произносит ровным, почти безразличным тоном.

— Ухожу, — коротко отвечаю.

— Диана, ну к чему весь этот спектакль? — качает он головой.

— Спектакль? Спектакль устроил ты, — фыркаю я, сжимая ручку чемодана.

— И куда ты пойдешь?

— Какая тебе разница? — отвечаю резче, чем хотела.

— Большая. Ты моя жена, — говорит он, и в этих словах слышится что-то собственническое, как будто я вещь, которую он купил и имеет право контролировать.

— Ненадолго, — бросаю я и качу чемодан к двери.

Готовлюсь дать отпор в случае необходимости. Напрягаюсь, жду, что он вскочит, попытается остановить меня, схватит за руку. Но Кирилл не мешает мне выйти. Даже не думает мешать. Продолжает сидеть в своей царственной позе, наблюдая за моим уходом как за не очень интересным телешоу.

Понятно. Значит, считает, что я просто взбрыкнула и одумаюсь. Что через день-два вернусь с повинной, буду просить прощения и клясться в верности. Тем лучше. Пусть думает.

Я кладу чемодан в багажник, сажусь за руль и беру телефон, который забыла тут, когда зашла домой. Открываю браузер и начинаю искать гостиницу. Мне нужно что-то недорогое, но приличное. Листаю варианты, сравниваю цены. «Отель Мартон» — четыре звезды, приемлемая цена, хорошие отзывы. Набираю номер.

— Добрый вечер, есть ли у вас свободные номера на сегодня? — спрашиваю.

— Да, конечно. На сколько ночей? — отвечает приятный женский голос.

— Пока на одну, потом посмотрим.

— Хорошо, мы вас ждем.

Откладываю телефон и набираю номер квартирантов. Трубку берет Михаил, молодой парень, который снимает

мою бабушкину квартиру уже почти год.

Слава богу, он идет навстречу и говорит, что готов освободить жилплощадь, как только найдет новую квартиру.

Я заканчиваю разговор и завожу машину. В зеркале заднего вида мелькает окно нашей гостиной. Наверное, Кирилл все еще сидит там, уверенный в том, что я скоро вернусь.

Я еду по знакомым улицам, и мысли сами собой возвращаются к тому, что произошло дома. Вспоминаю позу, взгляд Кирилла и его угрозу лишить меня работы.

«У меня много друзей и знакомых, которых я могу попросить о небольшой услуге». Он произнес это так буднично, словно речь шла о заказе пиццы.

Но даже если он действительно поспособствует тому, чтобы я ушла с текущего места, это ничего не изменит. Да, у него, и правда, много знакомых, но и клиник в городе много. Не так далеко простирается его влияние. Он просто блефовал, пытался запугать. Думал, что я испугаюсь перспективы остаться без работы и сразу же сдамся.

Нет уж, без работы я точно не останусь. У меня есть диплом, опыт, хорошие рекомендации. Я не какая-то там соержанка, которая только и умеет, что тратить мужнины деньги.

Доезжаю до нужного адреса, паркуюсь на стоянке у отеля. Здание выглядит солидно: стеклянный фасад, ухоженная территория, вежливые сотрудники. Беру чемодан и иду к стойке регистрации.

— Добрый вечер, я звонила насчет номера.

— Диана Ветрова? Да, конечно. Заполните, пожалуйста, форму.

Расписываюсь, получаю ключ-карту. Номер на четвертом этаже. Поднимаюсь на лифте, нахожу свою дверь.

Номер небольшой, но чистый и уютный. Большая кровать, письменный стол, кресло у окна, маленькая ванная комната. Пахнет свежестью и каким-то цветочным ароматизатором.

Я кладу чемодан на кровать, подхожу к окну. Вид на центральную улицу, внизу неспешно прогуливаются люди, светятся витрины магазинов.

Устроившись в номере, понимаю, что мне нужно проветрить мозги. Слишком много эмоций, слишком много мыслей. Нужно привести их в порядок.

Выхожу из отеля и просто бреду по тротуару вперед, никуда не торопясь. На улице жарко, но легкий ветерок спасает положение. Асфальт еще излучает дневное тепло, но солнце уже клонится к закату, и становится чуть прохладнее.

Достаю из сумочки телефон. Пора устроить мужу сюрприз.

Позвонить Владу.

Пора рассказать ему правду о том, что творится у него за спиной.

Ищу взглядом лавочку, чтобы сесть, ведь такой разговор лучше вести не на ходу, но тут из цветочного магазина, рядом с которым я стою, выходит... Влад с букетом бело-

снежных роз, тех самых, которые больше всего любит Аня. Огромный, пышный букет. Дорогущий.

Он тоже меня замечает. Лицо озаряется улыбкой, той самой открытой, искренней улыбкой, за которую его все любят.

— О, Диана, привет! Где бы еще встретиться, — улыбается он, подходя ближе.

— Привет. Ты же вроде в командировке? — спрашиваю, стараясь, чтобы голос звучал естественно.

— Вернулся на день раньше. Вот, — кивает на цветы, — хочу устроить Ане сюрприз.

Сердце сжимается так сильно, что на мгновение перехватывает дыхание. Влад такой радостный, глаза светятся предвкушением, он так спешит домой к жене, а она... она сейчас, возможно, уже в постели с моим мужем, ведь теперь им никто не мешает.

— Давай присядем. Мне нужно с тобой кое о чем поговорить.

Влад мгновенно мрачнеет, и я вижу, как предвкушение встречи с женой в его глазах сменяется тревогой.

— Что-то случилось с Аней? — спрашивает он, и в голосе слышится такая неподдельная забота, что сердце сжимается еще сильнее.

— Нет, — качаю головой.

— У тебя что-то не так? — Он внимательно всматривается в мое лицо, наверняка замечая, что выгляжу я так себе.

— Пойдем на лавочку, — киваю в сторону небольшого

сквера через дорогу.

Переходим улицу молча, садимся на деревянную скамейку, и Влад поворачивается ко мне всем телом, ожидая объяснений.

А я молчу, собираясь с мыслями. Что сейчас будет? Поверит Влад или нет? И, если даже поверит, не обвинит ли саму меня как гонца с плохими вестями? Может, зря хочу рассказать? Приказываю себе собраться. Не зря ведь столкнулась с Владом.

Выдыхаю, смотрю ему прямо в глаза и говорю:

— Не буду ходить вокруг да около. И смягчить не получится. Аня тебе изменяет. С... моим мужем.

Лицо Влада вытягивается, и он не моргая пялится на меня. Секунды тянутся как часы. Слышно, как шелестят листья над головой.

— Что? — переспрашивает он, как будто не расслышал. Но я-то понимаю: все он услышал, просто пытается переварить.

Послушно повторяю, подмечая, как напрягаются плечи Влада, как сходятся брови на его переносице.

— Диан, — после небольшой заминки прищуривается Влад, — если это шутка, то максимально неудачная.

— Хотела бы я, чтобы это была шутка, — усмехаюсь горько.

Рассказываю все: как муж предложил свободные отношения, как я поехала к Ане, как увидела сообщение от Кирил-

ла у нее в телефоне, как она, а затем и Кирилл, во всем признались.

Влад слушает не перебивая, но я вижу, как с каждым моим словом его лицо каменеет все больше.

— Конечно, она уже, скорее всего, удалила то сообщение. И вообще, все, что было. Вот.

Я достаю свой телефон, захожу в галерею и чувствую, как щеки покрываются румянцем, когда открываю сделанные мной фото и протягиваю сотовый Владу.

— Что это? — недоумевает Влад, всматривается в экран.

Ну да, понимаю, там теперь не просто фото, а ребус.

— Билеты, которые Кирилл купил для себя и Ани. На Мальдивы, со свободной датой вылета. Я их, — поджимаю губы, — порвала со злости. А потом сложила как получилось. Хотела показать тебе на случай, если не поверишь.

Ощущаю напряжение Влада. Он молчит, смотрит на экран, но я вижу, что мысленно он уже совсем не тут.

— И... давно? — поднимает он взгляд на меня, и я вижу в его глазах такую боль, что хочется провалиться сквозь землю.

— Уже год. Все началось, когда я лежала в больнице с аппендицитом.

Влад сжимает руки в кулаки, и на его скулах начинают ходить желваки.

— Прости... — шепчу, глядя на свои ладони, которыми мну подол платья.

— Тебе-то за что извиняться? За то, что сказала?

— Ну да.

Влад жестко усмехается.

— Уж лучше так, чем носить рога и не знать об этом, — в этих словах столько горечи, что у меня сжимается горло.
— Спасибо, Диан, я все понял.

Он встает резко, словно подброшенный пружиной, и какой-то механической походкой идет по тротуару вперед. Его фигура становится все меньше, через полминуты скрываясь за поворотом.

Букет белоснежных роз так и остается лежать на лавочке.

Ох, что теперь будет? Влад вроде и поверил, но что делает?

Я возвращаюсь в гостиницу, поднимаюсь к себе в номер. Голова гудит, в висках стучит.

Иду в ванную, включаю душ, делаю воду погорячее. Раздеваюсь и встаю под струи, закрываю глаза. Долго стою под душем, тру себя мочалкой так, что кожа краснеет. Хочется смыть с себя всю грязь, в которую сегодня окунулась. Вот только мерзкое ощущение никуда не девается. Предательство въелось в кожу, в душу, и никакой мочалкой его не оттереть.

Выхожу из ванной, вытираюсь полотенцем и надеваю халат. Волосы еще мокрые, но сушить их нет сил. Я подхожу к окну, раздвигаю шторы. На улице уже стемнело, фонари освещают тротуары, редкие прохожие спешат по своим де-

лам.

Опускаюсь в кресло у окна, поджимая под себя ноги. Думаю, как быть дальше. Завтра нужно идти на работу и делать вид, что все в порядке.

Перед внутренним взором сплывает Кирилл. Что он сейчас делает? Все еще сидит на диване в той же позе? Или уже понял, что я не вернусь сегодня? Может, даже звонил мне, но я не слышала из-за шума воды в душе.

Беру телефон, проверяю. И точно, три пропущенных звонка и два сообщения:

«Диана, позвони мне»

«Хватит дурить. Возвращайся домой»

Удаляю все, не читая до конца.

Сажусь в кресле, глядя в окно и думая о том, как быстро может рухнуть жизнь. Еще вчера у меня был дом, муж, подруга. Была иллюзия стабильности, благополучия. А сегодня... сегодня все оказалось ложью.

Слезы подступают к глазам, и я наконец позволяю им пролиться. И тут раздается оглушительный стук в дверь, а следом разъяренный голос... Кирилла.

— Диана, открой!

Сердце подпрыгивает и начинает колотиться так громко, что кажется, его слышно в коридоре. Как он меня нашел? Я же не говорила ему, куда еду. Черт! Вспоминаю, что забыла отключить геолокацию. Наверняка так и отследил. Или по платежу за гостиницу, я ведь платила картой.

Стук повторяется, еще громче.

— Диана! Я знаю, что ты здесь! Открой немедленно!

Глава 9. Не (смешно)

Диана

Я застываю в кресле.

Открывать решительно не хочется. Хочется затаиться, притвориться, что меня здесь нет. Вот только администратор — разумеется, за определенное вознаграждение — вместе с информацией о том, в каком я номере, наверняка сообщила и о том, что я тут.

Стук становится все настойчивее, и я понимаю: Кирилл не отстанет.

Решительно сжимаю кулаки и вскакиваю с места. Если муж думает меня запугать, то не выйдет. Да и что он мне сделает? Бить не будет — не тот характер. А кричать... так он и без того кричит.

Тыльной стороной ладони вытираю предательские слезы и иду к двери. Пальцы скользят по замку, и я на секунду замираю. Но потом резко распахиваю дверь рывком и вижу мужа с занесенным для стука кулаком.

Перевожу взгляд с кулака на его злое лицо, уже готовая к очередной порции его праведного гнева, охаю, а потом неожиданно для самой себя прыскаю со смеху, потому что... под его левым глазом красуется фингал. Внушительный такой.

Сомнений, кто его оставил, нет. Влад.

Господи, как же Кирилл выглядит! Мой респектабельный, всегда безупречный муж стоит передо мной с заплывшим глазом, растрепанными волосами и яростью в здоровом глазу.

Он багровеет еще больше, и я вижу, как напрягается его челюсть. Рывкает:

— Тебе смешно?!

— Ты заслужил, — поджимаю губы, стараясь взять себя в руки, но уголки рта все равно предательски дергаются.

— Заслужил?

Муж напирает на меня так, что я вынуждена отступить. Он влетает в номер и хлопает дверью с такой силой, что картина на стене качается.

Я отступаю к окну, инстинктивно держась подальше от его гнева.

— Какого хрена, Диана? — бросает он, оглядывая номер. Взгляд его скользит по моему халату, по мокрым волосам, по смятой постели.

— Что именно какого хрена?

Стараюсь смотреть на его здоровый глаз, но взгляд то и дело падает на заплывший левый.

— У меня завтра встреча с очень важными людьми, как я теперь там покажусь, а?

Мои брови взлетают.

И это все, что его волнует? Не то, что он разрушил нашу семью, не то, что предал меня с моей лучшей подругой, а то,

как он будет выглядеть на деловой встрече завтра?

— Стоило подумать об этом до того, как тащить в постель Аню! — шиплю в ответ.

— Это тебе стоило подумать, прежде чем открывать свой рот и рассказывать обо всем Владу! — гремит он, делая шаг ко мне. — Что, уже поплакалась у него на плече, да?

В его голосе такая злоба, что я невольно отступаю еще дальше. Спина упирается в подоконник, и деваться некуда. Но я не позволю ему загнать меня в угол.

— Ну, Аня ведь наверняка тоже плакалась у тебя на плече, а мне что, нельзя? — выпаливаю я, вздернув подбородок.

Кирилл злится еще больше, подступает ко мне вплотную. Я чувствую исходящее от него тепло, его привычный запах, который раньше я так любила. Теперь он вызывает тошноту.

— Мы бы во всем спокойно разобрались!

— Спокойно, Кирилл? Ты, блин, не хлеб в магазине забыл купить, а год водил меня за нос! Спокойно не получится.

— И поэтому ты сразу поперлась к Владу? На хрена было усложнять? — цедит он сквозь зубы он.

— Не я все усложнила, Кирилл. Не я!

— Ты даже не обсудила это со мной!

— Серьезно? — обалдеваю я с его логики. — Что именно я должна была с тобой обсудить? Сам ты почему-то забыл обсудить со мной то, что спишь с Аней!

Муж отступает на шаг, проводит рукой по волосам. Я вижу, как работают мышцы его челюсти, как он пытается взять

себя в руки.

— Ладно, — говорит он наконец, и его голос становится тише, звучит почти примирительно. — Хватит препираться тут перед зрителями. Стены тонкие. Поехали домой. Там разберемся.

Он протягивает ко мне ладонь.

— Ты еще не понял, Кирилл? — качаю головой, отдергивая руку. — Никуда я с тобой не поеду.

— Почему?

Боже, он ведь реально удивлен. Уму непостижимо!

— Ты еще спрашиваешь? Потому что не вернусь к тебе. Я подаю на развод.

Лицо мужа превращается в каменную маску.

— Гордая, значит? И как ты собираешься жить на одну свою зарплату? — прищуривается он.

— Многие так живут, и я справлюсь.

Кирилл мрачнеет, молча сверлит меня взглядом, поигрывая челюстью.

— Это мы еще посмотрим, — злобно выплевывает он, разворачивается и вылетает из номера, с силой хлопая за собой дверь.

Глава 10. Хозяйка в доме

Диана

Утром я встаю с тяжелой головой. Сон был тревожным, полным обрывков вчерашних событий.

Собираюсь автоматически, словно робот. Смотрю на свое отражение в зеркале: бледное лицо, темные круги под глазами, которые не скрывает даже консилер. Господи, по мне будто асфальтоукладчик проехался... Но что поделаешь, на работу ехать надо.

Руки отточенными движениями проходятся пудрой по лицу, скрывая следы слез, а внутри нарастает тревога. Что меня ждет на работе? Успел Кирилл поговорить с моим начальником или еще нет?

Мой босс, Олег Петрович, не станет портить отношения с Кириллом и уволит меня без сомнений. Для него я — просто сотрудник, которого он легко заменит на другого.

Снова вспоминаю разъяренного мужа. Его вчерашний тон не предвещает ничего хорошего: он явно намерен ставить мне палки в колеса. Вопрос только зачем. Ну спи себе с Аней, теперь ведь никто не мешает. Или хочет и рыбку съесть, и сковородку облизнуть?

Аня... Интересно, что Влад с ней сделал? Выгнал из дома или... решил простить? Я ведь знаю, как сильно он ее любит.

И тут меня осеняет: может, Влад и правда решил дать их

отношениям шанс? Вот Кирилл и запрыгал, пытается меня вернуть, потому что Ани уже лишился?

Фига с два у него получится.

С таким решительным настроем я выхожу из номера и еду на работу.

Клиника встречает меня привычной суетой. В приемной уже толпятся пациенты, медсестры снуют туда-сюда. Все как обычно.

Меня не вызывают «на ковер», начальник не появляется из своего кабинета с мрачным лицом. Оказывается, Олег Петрович вообще уехал на какую-то конференцию.

Пока переодеваюсь в белый халат, рыжеволосая медсестра Марина, как всегда, сплетничает. Она не может жить без обсуждения чужих проблем — это ее стихия.

— Диана, а ты слышала про нашу Настю? — шепчет она, оглядываясь по сторонам. — Анастасию Викторовну, хирурга нашего.

— Что с ней? — спрашиваю я, застегивая пуговицы на халате.

— Муж ей изменил! — глаза Марины горят от предвкушения. — Ушел от нее к какой-то стерве, с которой у него уже и ребенок есть. Представляешь? А она и не подозревала ничего!

Я качаю головой. М-да, скоро и обо мне будут судачить точно так же. Дай только повод, что называется. Уже представляю, как Марина будет смаковать подробности моих от-

ношений с Кириллом.

— Вся клиника обсуждает их предстоящий развод, — продолжает Марина. — Говорят, он хочет отсудить половину ее квартиры. А она такая гордая, никому жаловаться не хочет...

— Марина, нам пора начинать прием, — прерываю я ее, не желая слушать дальше.

Начинается рабочий день, и я с головой погружаюсь в работу. Маленькие пациенты, их тревожные мамы, диагнозы, назначения — все это помогает отвлечься от собственных проблем. Дети не знают о предательстве, о разводах, о том, как рушатся семьи. Для них мир еще прост и понятен.

Уже вечером, перед выходом с работы, я вспоминаю, что оставила дома важные документы — справки для налоговой, которые нужно подать уже завтра.

Вздыхаю. Придется ехать и забирать. Впрочем, Кирилл редко когда возвращается раньше восьми, так что есть шанс его не встретить, если поторопиться.

Еду домой с замиранием сердца и вижу, что машины Кирилла нет.

Фух, повезло. Может, он еще не вернулся с работы, а может, уже уехал к Ане. Мне все равно, лишь бы не встречаться с ним.

Я открываю ключами дверь, захожу в прихожую. Дом встречает меня тишиной и знакомыми запахами. Здесь мы прожили десять лет, здесь я была счастлива... Отгоняю эти

мысли и собираюсь подняться в спальню за документами, как вдруг слышу приглушенный голос из кухни.

Сердце екает. Кирилл? Но машины-то не было...

Подхожу ближе на цыпочках, стараясь не скрипеть паркетом. Заглядываю в кухню и обалдеваю.

Ко мне спиной стоит Аня.

Изнутри поднимается волна злости, накрывает с головой. Кирилл совсем охренел? Так настаивал, чтобы я вернулась с ним домой, а сам привел сюда ее?! Шведской семьи захотелось?

И тут я замечаю на бывшей подруге подозрительно знакомую вещь.

Приглядываюсь, и точно! Аня в шелковом халате — том самом, который Кирилл подарил мне на день рождения. МНЕ. Она мило воркует по телефону, стоя у плиты:

— Да, конечно, Кирюш. Жду. Сейчас начну жарить твои любимые блинчики.

Ярость сдавливает горло, а глаза заволакивает красной пеленой ярости.

Аня. В моем доме. В моем халате. Готовит блинчики «Кирюше».

Глава 10. Хозяйка в доме. Часть 2

Диана

Аня, все еще не видя меня, кладет трубку на столешницу. Бормоча что-то себе под нос, открывает ящик и достает сковородку для блинов. Мою сковородку. Из моей кухни.

Все. Забрало падает.

— Положи где взяла, — тихо, но доходчиво говорю я.

Она вздрагивает всем телом, как будто ее прошило молнией, и выпускает сковородку из рук. Та падает прямо ей на ногу с глухим металлическим звуком.

— А-а-а! — взвизгивает бывшая подруга от боли и оборачивается ко мне.

На ее лице смесь боли, удивления и... страха.

— Диана? — громко сглатывает она. Глаза по пять копеек.

— А ты, я смотрю, — усмехаюсь с презрением, окидывая ее взглядом с головы до ног, — совсем не брезгливая. И мужик чужой, и халатик ношенный. Может, тебе еще белье мое из стирки достать? Тоже наденешь? Корзина с бельем если что в... хотя ты и так знаешь.

Аня заливается краской, плотнее запахивая на себе полы моего халата. Когда-то он был моим любимым. Сколько завтраков я приготовила в нем для Кирилла...

Боится, что сниму его с нее? Правильно делает.

— Что, бедняжка, Кирилл выгнал тебя из дома в чем бы-

ла? — цокаю я с поддельным участием, наслаждаясь ее растерянностью.

— Это все ты виновата! — вдруг взрывается она, и в ее голосе слышатся истеричные нотки. Видимо, Влад дома устроил ей тотальный разнос. И поделом.

— Ну конечно я, — хмыкаю. — Только недолго ты страдала, сразу полезла под теплое крылышко Кирилла.

— Он сам меня пригласил! — задирает подбородок она, пытаясь изобразить гордость.

— О как. А вчера вечером просил вернуться домой меня, — сообщаю с иронией и вижу, как вытягивается ее лицо, как будто она получила пощечину.

— Не веришь? Спроси у него.

Я подхожу к ней медленно, как хищник к добыче, и бывшая подруга испуганно вжимается в столешницу спиной. Отступать ей некуда.

Десять лет дружбы, десять лет доверия, и вот она здесь, в моем доме, в моем халате, готовит еду моему мужу...

Видимо, выражение моего лица ее окончательно пугает.

Секунда, и она хватает свой телефон дрожащими руками.

Собирается позвонить защитничку? Э нет, так не пойдет.

Я выхватываю мобильный у нее из рук, несмотря на ее отчаянное сопротивление, и опускаю его прямо в тесто для блинов. Он с печальным бульком погружается на дно, и на поверхности остаются только пузырьки.

— Ты что творишь?! — вскрикивает Аня, глядя на свой

утонувший телефон.

— Не переживай, Кирилл наверняка купит тебе новый, — прищуриваюсь я. — Он совсем не жадный.

— Диана, — вдруг жалобно затягивает бывшая подруга, и в ее голосе появляются умоляющие нотки, — давай мы с тобой...

— Никаких нас с тобой больше нет! — ору. Эмоции наконец прорываются наружу. — Десять лет дружбы ты выбросила в помойное ведро!

Я киваю на халат:

— Снимай!

Она отчаянно машет головой, делает шажок влево от меня. В ее глазах паника.

— Снимай!

Аня лишь испуганно сжимает полы халата на себе, как будто это спасет ее от моего гнева.

— Ладно, — обманчиво спокойно произношу я. — Как хочешь.

Я хватаю миску с тестом для блинов, и через мгновение переворачиваю ее прямо на голову бывшей подруги.

Тесто льется густой белой рекой, заливая ее волосы, стекая по лицу вязкими потоками. Капли разлетаются в стороны, пачкая столешницу, пол, мой халат на ней. Телефон со звонким стуком ударяется ей о лоб, прежде чем с мокрым шлепком упасть на пол.

— А-а-а! — орет она благим матом, потому что тесто по-

падает ей в глаза, в рот, в нос.

Аня хватает воздух ртом с закрытыми глазами, словно рыба, выброшенная на берег. По ее волосам, лицу и халату стекают «любимые блинчики Кирюши». Тесто медленно сползает с ее подбородка на грудь, оставляя белые дорожки. Несколько капель падают на пол с тихим «кап-кап».

Я удовлетворенно осматриваю плоды своих трудов, пока она пытается протереть глаза, чтобы их открыть. У нее ожидаемо ничего не получается, потому что рукам тоже досталось, и она лишь размазывает тесто еще больше, превращая лицо в белую маску.

— Держи, — сую ей в руки полотенце.

Она опять вздрагивает, отдергивает руку, как будто я даю ей змею.

— Это полотенце, — поясняю с издевательским терпением.

Только тогда она берет его дрожащими руками и вытирает лицо. Смотрит на меня во все глаза, видимо, удивленная моей неожиданной добротой.

— Все, теперь видишь?

— Д-да... — шепчет она, и в ее голосе слышится страх.

— Отлично. А теперь давай на выход. Дверь знаешь где или тебе подсказать?

— Диана...

— На выход! — уже жестче бросаю я. — Или мне вызвать полицию?

— Кирилл сам меня пригласил, — истерично оправдывается Аня. — Ты не имеешь права меня выгонять! Я не пойду на улицу в таком виде!

Она отпрыгивает в сторону от меня — видимо, боится, что потащу ее силком.

Молчит, лишь шумно дышит, вытирая все еще стекающее с волос тесто с лица.

И в этот момент я отчетливо слышу звук хлопнувшей входной двери.

Кирилл вернулся.

Звук шагов отчетливо раздается в тишине дома. Тяжелая, знакомая поступь мужа.

Аня тут же оживляется, словно получила заряд энергии. Глаза загораются надеждой, и она уже готова броситься к двери, но я преграждаю ей путь.

— Стоять! — шиплю.

Она смотрит на меня с вызовом, а потом резко кричит:

— Кирилл! Кирилл, иди скорее сюда!

Звук шагов стихает на пару секунд, а потом муж появляется в дверном проеме и замирает с вытянутым лицом, оценивая картину маслом.

Его взгляд скользит от меня к Ане, покрытой тестом, потом к разлитым по полу остаткам «блинчиков».

— Что здесь происходит? — спрашивает он ровным голосом, но я замечаю, как напрягаются мышцы его челюстей.

— Кир, — тут же подает голос Аня, и в ее интонации

столько фальшивой, жалобной беспомощности, что меня аж передергивает. — Диана набросилась на меня безо всякой причины! Я просто готовила тебе ужин...

— Безо всякой причины? — повышаю голос я, чувствуя, как в висках стучит кровь. — Ты в моем доме, в моем халате!

Кирилл делает шаг вперед, и я вижу в его глазах что-то странное. Не злость, не раскаяние, а... удовлетворение. Он что, получает удовольствие от этой сцены?

— Диана, успокойся, — говорит муж снисходительным тоном. — Ты ведешь себя как истеричка.

— Истеричка? — повторяю я, и голос звучит опасно тихо. — Знаешь, Кирилл, любая нормальная женщина истерила бы. Когда узнала, что муж спит с лучшей подругой целый год.

Аня вздрагивает и бросает умоляющий взгляд на Кирилла.

— Год... — повторяет он задумчиво, словно пытается вспомнить. — Да нет, Диана. Ты все преувеличиваешь.

Он врет. Прямо мне в лицо. И даже не краснеет.

— Преувеличиваю?

— Диана, ну сколько можно... — вмешивается Аня.

— Заткнись! — рычу на нее.

— Не ори на Аню, — одергивает меня Кирилл, и в его тоне появляется жесткость. — Она не виновата в том, что между нами случилось.

— Ах, не виновата? — взлетают мои брови. — А кто ви-

новат? Ты? Или я, наверное? Плохая жена была?

— Не плохая, — мягко говорит Кирилл, и от этой мягкости хочется его ударить. — Дело не в этом.

— Ты прав, — киваю я. — Дело не в этом. А в том, что люди перестают ценить то, что имеют, и меняются. Например, ты превратился в лживое, подлое ничтожество.

Лицо Кирилла каменеет.

— А ты — в озлобленную стерву, которая устраивает сцены в собственном доме!

— В собственном доме, говоришь? — Я оглядываю кухню. — А мне показалось, что это уже общежитие, раз ты таскаешь сюда кого ни попадя!

— Не будь смешной, — отмахивается Кирилл. — Аня здесь временно. У нее сейчас сложная ситуация дома.

— Да, — подключается Аня и смотрит на Кирилла. В ее голосе звучит обида. — А Диана хотела меня выгнать на улицу голышом, Кирилл!

— Ты действительно хотела ее выгнать? Что за детский сад? — спрашивает он у меня, приподнимая бровь.

— Детский сад? Это ты привел свою подружку в наш дом и одел ее в мои вещи!

— Наш дом, — повторяет он, делая ударение на слове «наш». — Помнишь это слово, Диана?

Его тон становится жестче, и я понимаю: он злится. Не из-за Ани, а из-за того, что я ушла. Из-за того, что посмела его послушаться.

В этот момент Кирилл подходит к Ане и обнимает ее за плечи, и этот жест как нож по сердцу.

— Никто тебя не выгонит, — успокаивает он ее, но смотрит при этом на меня. — Правда, Диана?

В его голосе вызов. Он проверяет меня. Хочет посмотреть, на что я способна.

— Еще как выгону, — отвечаю я, скрестив руки на груди. — И тебя вместе с ней, если понадобится.

Кирилл смеется — коротко и зло.

— Это и мой дом, дорогая. Половина его моя. И я могу приглашать сюда кого захочу.

— Можешь, — соглашаюсь я. — Вот только не одевать в мои вещи.

Я киваю на халат на Ане.

— Снимай его, — говорю ей напрямую, игнорируя Кирилла. — Немедленно.

— Диана, — предупреждающе произносит муж.

— Что Диана? — взрываюсь я. — Ты думал, я промолчу? Стерплю, как твоя шлюха в моих вещах хозяйничает на моей кухне?

Аня всхлипывает, прижимается к Кириллу сильнее.

— Не смей так с ней разговаривать, — холодно говорит он.

— А как мне с ней разговаривать? — кричу я. — Она спала с моим мужем год! Целый год! Ты защищаешь ее?

— Я защищаю человека, которого ты унижаешь в моем

доме, — отвечает Кирилл, и в его голосе появляется та самая интонация, которую я помню по нашим худшим ссорам.

— В твоём доме? Сам только что сказал: в нашем. И вчера ты умолял меня вернуться в НАШ дом!

— Умолял? — усмехается он. — Предложил тебе одуматься. Разница есть.

Я смотрю на них: на Кирилла, обнимающего эту размазную, на Аню, которая старается казаться беспомощной жертвой, и осознаю: он хотел именно этого. Хотел, чтобы я пришла и увидела их вместе. Хотел причинить мне боль.

— Знаешь что, — говорю я, — устраивайтесь тут как хотите. Мне нужны документы.

Я разворачиваюсь и выхожу из кухни, быстро поднимаюсь по лестнице за бумагами. В спальне хватаю папку с налоговой отчетностью и еще несколько важных бумаг.

Когда спускаюсь обратно, они стоят внизу, о чем-то тихо переговариваются, но замолкают, увидев меня.

Прохожу мимо, но Кирилл останавливает меня:

— Диана, подожди.

Я оборачиваюсь.

— Если ты вернешься... — начинает он.

— Что? — перебиваю я. — Ты откажешься от нее? Вышвырнешь свою подстилку?

Аня ахает от возмущения, но молчит.

Кирилл медлит с ответом, и это говорит мне все.

— Я так и думала, — усмехаюсь я. — Тебе нужны мы обе.

Жена для приличия и любовница для развлечений.

— Это не так.

— Нет, именно так. И знаешь что самое смешное, Кирилл? Ты думал, что я вернусь, буду бороться за тебя. Что устрою скандал, буду плакать, умолять. Но я не стану.

Я иду в прихожую и уже открываю входную дверь, как вдруг Аня догоняет меня и шипит:

— Он меня любит! Не тебя, а меня!

Я останавливаюсь. Поворачиваюсь к ней и говорю с ядовитой улыбкой:

— Правда? Продолжай в это верить так же, как я верила, что у меня верный и любящий муж. Если надеешься, что с тобой будет по-другому, то ты дура.

Хлопаю за собой дверь и иду к машине, поджимая губы.

Уже в машине, отъезжая от дома, бросаю взгляд в окно гостиной.

Если бывшая подруга считает, что сможет и дальше тут жить на правах хозяйки, то сильно ошибается. Не сможет.

Глава 11. Упорство 80lv1

Диана

Я еду в налоговую, чтобы отвезти документы, и вспоминаю вчерашний телефонный разговор с Кириллом.

Позвонила ему специально поздно, около одиннадцати, когда он уже устроился дома со своей новой «сожительницей».

— Чтобы завтра ноги Ани не было в моем доме, — сказала без предисловий, как только он взял трубку.

— С чего это? — с гонором возразил Кирилл. — Я имею право приглашать гостей. Мы уже это обсудили.

— Да, имеешь. Как и я. В таком случае я приглашу бабу Зину и всех ее подружек. Пусть тоже погостят.

Кирилл прокашлялся, и в трубке воцарилось молчание.

Прошрое появление бабы Зины произвело на мужа неизгладимое впечатление. Видимо, он замолчал, как раз вспоминая ее визит на новоселье в нашем доме.

Зинаида Ильинична, родная сестра моей бабушки, всю жизнь жила в деревне, и «таких хором никогда не видала». А потому с азартом ребенка принялась исследовать наше новое жилище.

Разбила дорогущую статуэтку, которую компании Кирилл подарил мэру, потом ночью выпила полбутылки коллекционного виски. «Ну так он же туточки стоял, на виду, я дума-

ла, это для гостей». Потом она зашла в его кабинет «полюбоваться на вумные книжки» и умудрилась сломать дорогой кожаный стул, пытаясь отрегулировать высоту.

«Я хотела посидеть, как настоящий директор из сериалов!» — объясняла она потом. Затем Зинаида Ильинична, заскучав без работы, решила «помочь с уборкой» и перепутала средство для мытья посуды с какой-то мощной химией. В результате испортила итальянский диванный гарнитур в гостиной, который муж выбирал сам.

В общем, к концу ее визита у Кирилла дергался глаз, и он сам, лично, отвез ее на вокзал. Видимо, чтобы точно убедиться, что уехала.

— Ну так что, — усмехаюсь, — мне позвонить ей, пригласить?

— Не надо, — мрачно отозвался супруг.

— Отлично, я рада, что мы друг друга поняли.

На том и порешили.

Вскоре я паркуюсь у налоговой и иду внутрь. Слава богу, очереди нет, и я управляюсь буквально за пять минут, хотя думала, что это займет гораздо больше времени.

Смотрю на часы: сегодня я во вторую смену, и времени до первого приема еще прилично. Раз так, успею и в суд — подать заявление на развод.

Пока еду, размышляю, сообщать ли об этом Кириллу? В итоге решаю: нет, иначе он точно не даст мне проходу. Тем более свое намерение я ему уже и так озвучила. Пусть узнает,

когда ему придет письмо.

В отличие от налоговой, тут есть очередь, поэтому приходится сидеть в коридоре и ждать. Подмечаю пару приблизительно наших с Кириллом лет. Впрочем, их сложно не заметить — так громко они ругаются. Устно делят все, при этом мужчина упоминает даже какой-то столовый набор. «Да по-давись ты своими вилками, скотина!» — в сердцах восклицает женщина.

Неужели нас с Кириллом ждет то же самое?

Додумать эту мысль не успеваю, потому что подходит моя очередь.

Вскоре я выхожу из здания суда и сажусь в машину.

Только тут до меня доходит: все. Окончательно и бесповоротно. Я только что подала на развод. Шестнадцать лет брака, и все заканчивается вот так... Банальной изменой с лучшей подругой.

В горле стоит ком, который никак не проглотить. Я ведь верила, что это навсегда. Что мы состаримся вместе, будем нянчить внуков...

А теперь сижу возле здания суда и чувствую себя полным банкротом. Не в материальном плане — в жизненном. Все эти годы, все планы, все мечты... Оказывается, только я в них верила.

Наверное, нужно плакать. Но внутри какая-то пустота. Словно выжгли что-то важное, и теперь там просто дыра.

Я еду на работу, застреваю в пробке и погружаюсь в авто-

пилотный режим. Сцепление, педаль газа, тормоз, поворотник. Механические движения, которые не требуют эмоций.

В здание клиники влетаю буквально за десять минут до начала приема. Впрочем, и хорошо. Потому что глаза моей медсестры Марины аж горят предвкушением. Похоже, у нее очередная сплетня с пылу с жару.

— Диана Алексеевна, вы не представляете, что тут... — начинает она, едва я появляюсь в кабинете.

— Позже, Марина. Давайте сначала поработаем, а потом обсудим все новости, — обрываю я ее, натягивая белый халат.

Работа — единственное, что может сейчас меня отвлечь.

После приема трех пациентов прошу Марину позвать следующего. Она выходит, и через несколько секунд дверь снова открывается.

На пороге стоит... Кирилл.

Сердце пропускает удар.

Что он здесь делает? Как посмел прийти на мою работу?

— Что ты здесь делаешь? — буравлю его взглядом. — У меня прием, уходи.

— А я записался, так что у меня есть полчаса.

Он усмехается и закрывает за собой дверь.

Я приподнимаю бровь. Записался? К педиатру? У него что, внезапно появился ребенок, о котором я не знаю?

— Кирилл, — говорю устало. — Я не буду с тобой разговаривать на рабочем месте.

К чему все эти беседы, если у нас разные цели и я не собираюсь сохранять то, чего больше нет?

Однако муж, видимо, так совсем не считает, потому что проходит в кабинет с видом полного хозяина, оглядывается по сторонам — словно оценивает территорию — и садится в кресло для родителей. Кожа скрипит под его весом.

— А где же мне с тобой еще поговорить? — спрашивает он с наигранным недоумением, разводя руками театральным жестом. — Дома ты не живешь, избегаешь меня как чумы, телефон не берешь...

— Телефон я беру, — отвечаю сухо. — Вчера разговаривали.

— Две минуты сугубо по делу — это не разговор, Диана.

Я смотрю на него и думаю: неужели этот человек действительно считает, что имеет право на мое время? После того, что натворил?

— У меня работа, Кирилл. И пациенты ждут.

— Пациенты подождут, — отмахивается он. — Мы должны поговорить.

— Должны? — Я скрещиваю руки на груди. — С чего это вдруг? Я думала, мы уже все выяснили окончательно и бесповоротно. Ничего нового я тебе точно не скажу.

Он молчит несколько секунд, изучая мое лицо. Видимо, ищет признаки того, что я готова его выслушать.

— Я узнал, что ты подала на развод.

Мои глаза округляются сами собой. Ах вот оно что! Быст-

ро выведаль.

Похоже, кто-то из его знакомых увидел меня в суде и доложил. Или...

— Ты что, следишь за мной? — прищуриваюсь, озвучивая догадку.

— Это совершенно неважно, — уклоняется от прямого ответа Кирилл. — Главное, что я узнал. И вовремя.

— И что с того? — пожимаю плечами, стараясь выглядеть равнодушной. — Я предупреждала. Говорила, что так и сделаю.

— Диана, — голос мужа становится мягким, обволакивающе-медовым, — давай не будем торопиться с такими кардинальными решениями. Подумай о Лизе.

О Лизе. Конечно. Опять достает главный козырь.

— Как раз о ней и думаю, — отвечаю холодно.

Я иду к двери, собираясь ее открыть и вызвать охрану, но Кирилл встает и преграждает путь. Нависает надо мной скалой и сверлит взглядом.

— Послушай меня внимательно, — говорит он жестко, и вся наигранная мягкость мгновенно исчезает. — Ты делаешь чудовищную глупость. Огромную ошибку. И не только для себя.

— Глупость я сделаю, если останусь с тобой! — припечатываю со злостью.

— Это ты сейчас такая гордая и принципиальная, — усмешается он холодно, — пока не столкнулась с суровой реаль-

ной жизнью и с настоящими взрослыми проблемами.

В его голосе появляются угрожающие нотки. Ну конечно, сейчас опять начнет давить, куда же без этого.

— И что ты предлагаешь? — спрашиваю ровно.

— Вернись домой. Забудь про развод. Мы найдем компромисс. Я ведь пошел на уступки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.